Алекс Скай

РАЗВОД С АЛЬФОЙ

Волчья тройня, о которой ты НЕ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ

Алекс Скай

Развод с альфой. Волчья тройня, о которой ты не должен знать

«Автор»
2026

Скай А.

Развод с альфой. Волчья тройня, о которой ты не должен знать / А. Скай — «Автор», 2026

Когда альфа Северной стаи публично разводится с Селеной Вейр, все считают её бесплодной женой, не давшей роду наследника.Все — кроме самой Селены.Пять лет она скрывала троих детей Кайра Моррана: Мирона, Саву и Ниру. Тройню, которой нет в родовых книгах. Тройню, чьи имена кто-то стёр из памяти стаи. Тройню, о которой их отец не должен был узнать.Но после развода брачная метка рвётся — и кровь детей просыпается. Дом без герба отвечает знаком Морранов. Границы стаи начинают звать. А Кайр впервые видит мальчика с собственным родовым жестом и понимает: от него скрыли не просто правду.У него украли семью.Теперь Совет хочет забрать детей как опасных для стаи. Новая невеста альфы знает слишком много. Старые законы требуют, чтобы Селена снова стала женой Кайра — иначе её лишат права быть матерью.Но Селена больше не та женщина, которую можно выгнать из родового зала.Она не просит милости.Не возвращается по приказу.И не отдаст своих волчат никому — даже их отцу.

© Скай А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Развод перед всей стаей 5
Глава 2. Тройня, которой нет в книгах 16
Глава 3. Альфа у ворот 29
Гл 45
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Развод с альфой. Волчья тройня, о которой ты не должен знать

Глава 1. Развод перед всей стаей

— Брак альфы Кайра Моррана и Селены Вейр признаётся расторгнутым перед кровью, родом и всей Северной стаей.

Старейшина Тарвен Сольд произнёс это так ровно, будто речь шла не о жизни женщины, а о смене караула у ворот. Его голос разошёлся под каменными сводами зала, оттолкнулся от высоких стен, украшенных потемневшими родовыми знаками, и вернулся к Селене холодным эхом.

Расторгнутым.

Слово легло ей на грудь тяжёлой плитой, но Селена не опустила головы. В зале было слишком много глаз, слишком много ушей, слишком много тех, кто пришёл посмотреть, как падает бывшая жена альфы. Кто-то стоял у колонн, кто-то занимал резные скамьи родов, кто-то прятал улыбку за рукавом меховой накидки. Никто не пришёл защитить её. Никто и не должен был.

Пять лет назад она уже поняла простую вещь: если хочешь сохранить самое дорогое, не жди милости от тех, кто называет жестокость законом.

Кайр Морран стоял справа от родового круга. Высокий, широкоплечий, в чёрном плаще альфы, с серебряной застёжкой у горла. Его тёмные волосы были убраны назад, лицо оставалось неподвижным, взгляд — тяжёлым и прямым. Таким взглядом он привык останавливать споры, ломать сопротивление, заставлять взрослых мужчин делать шаг назад.

Когда-то этот взгляд искал её в толпе.

Когда-то Селена думала, что под его холодной выдержкой есть место для неё.

Теперь Кайр смотрел так, будто между ними не было ни брачных клятв, ни зим, пережитых в одном доме, ни той ночи, когда он впервые положил ладонь ей на затылок и сказал, что Север не тронет её, пока он жив.

Север тронул. Просто руками самого Кайра.

— Селена Вейр, — продолжил Тарвен, положив ладонь на раскрытую родовую книгу, — Совет признаёт, что за годы брака ты не дала роду Морранов наследника, не укрепила линию альфы и не исполнила долга жены перед стаей.

По залу прошёл тихий шорох. Не возмущённый, нет. Довольный. Голодный.

Селена почувствовала, как пальцы под длинными рукавами сжались в кулаки. Ногти впились в ладони, но боль была полезной. Она удерживала лицо спокойным. Не дала губам дрогнуть, не позволила взгляду сорваться в сторону Кайра.

Не наследника.

Если бы они знали.

Если бы хоть один из сидящих в этом зале видел Мирона, который всегда закрывал собой младших, хотя сам боялся громких голосов. Саву, который мог услышать шаги за стеной раньше любого взрослого волка. Ниру, которая смеялась так, будто в их маленьком доме у границы не было ни страха, ни изгнания, ни вечной необходимости говорить тише.

Трое детей.

Три маленьких сердца.

Три причины стоять сейчас перед Советом и молчать.

— Ты понимаешь решение стаи? — спросил Тарвен.

Селена подняла взгляд на старейшину. Он был сухощав, сед, с узкими губами и пальцами, похожими на корни старого дерева. В его глазах не было ни злости, ни сожаления. Только расчёт. Так смотрят на вещь, которую давно решили убрать с дороги и теперь просто доводят дело до конца.

— Понимаю, — ответила Селена.

Её голос прозвучал ровно. Даже слишком ровно. Несколько женщин у левой стены переглянулись: видимо, ждали слёз, просьб, падения на колени. Разочаровались.

Кайр едва заметно прищурился.

Селена почувствовала это, хотя не смотрела на него. Странно, как тело помнило человека, которого разум уже должен был похоронить. Она знала его молчание, знала, когда у него каменели плечи, когда он раздражался, когда удерживал приказ на языке. Сейчас он был недоволен. Не её унижением. Не решением Совета. Её спокойствием.

Он хотел увидеть, что она сломалась.

А может, хотел убедиться, что не сломалась.

Селена не стала разбираться. Любая надежда была роскошью, а роскошь она давно обменяла на безопасность детей.

Рядом с Кайром стояла Веста Роун.

Она была одета в светло-серое платье с серебряной вышивкой у воротника. Не брачный цвет, нет, Совет не позволил бы так грубо нарушить порядок. Но достаточно близко, чтобы все поняли: место Селены уже занято. Веста держала руки сложенными перед собой и смотрела на происходящее с мягкой печалью, которая не обманывала Селену ни на миг.

Эта женщина умела жалеть так, что хотелось выпрямить спину ещё сильнее.

— Совет проявил уважение к тебе, Селена, — сказала Веста негромко, когда Тарвен сделал паузу. — Не каждая стая позволила бы бывшей жене альфы уйти с именем, которое было её до брака. Ты хотя бы не лишена прошлого.

Селена перевела на неё взгляд.

— Прошлое не в имени, Веста.

Улыбка у той стала тоньше.

— Конечно. Прошлое в том, что мы оставляем после себя.

Укол был точным. Слишком точным для женщины, которая якобы ничего не знала.

Селена почувствовала, как вдоль позвоночника прошёл холод. Она впервые за всё заседание посмотрела на Весту не как на соперницу, не как на новую избранницу альфы, а как на возможную угрозу. Та держалась безупречно: мягкий подбородок, ясные глаза, лёгкая складка сочувствия между бровей. Но в словах был намёк.

Что мы оставляем после себя.

Детский крик вспыхнул в памяти внезапно, как огонь в тёмной комнате. Не один — три. Первый, хриплый и сердитый. Второй, тоньше, будто возмущённый самим фактом появления на свет. Третий, короткий, испуганный, оборвавшийся на всхлипе. Селена тогда прижала их к себе и прошептала не молитву, не просьбу, а клятву: никто не заберёт.

Никто.

Даже их отец.

— Достаточно, Веста, — произнёс Кайр.

Сказал негромко, но зал мгновенно притих. Веста опустила ресницы.

— Разумеется, мой альфа.

Мой.

Слово ударило ниже, чем Селена ожидала. Не потому, что она всё ещё считала Кайра своим. Нет. Слишком многое было уничтожено, слишком много ночей она провела, прислушиваясь к дыханию детей и боясь каждого хруста снега за окном. Но когда чужая женщина

произнесла это слово в зале, где Селену лишали места, стало ясно: её не просто вычеркивали. Её заменяли так аккуратно, будто она никогда не существовала.

Тарвен перелистнул страницу родовой книги. Пергамент сухо прошелестел, и Селена невольно посмотрела на разворот.

Там должна была быть запись о браке.

Кайр Морран, альфа Северной стаи. Селена Вейр, принятая в род Морранов брачной меткой и кровной клятвой.

Больше ничего.

Ни одной строки о детях.

Ни одной.

И всё же Селена помнила другую страницу. Ту, которую видела лишь миг, пять лет назад, когда пробралась в малый архив после странного вызова Совета. Она тогда ещё не знала, почему её имя стояло в списках на изгнание до того, как Кайр вообще заговорил с ней о разрыве. Не понимала, почему старый хранитель отвёл глаза и сказал, что ей лучше забыть дорогу в главный дом.

На той странице были три пустых места.

Не имена. Не даты. Только следы снятых записей, будто кто-то не зачеркнул, а вырвал детей из самой памяти рода.

Селена моргнула, прогоняя воспоминание. Сейчас нельзя было думать о том дне слишком долго. Страх имел запах, а в зале было достаточно волков, чтобы уловить его.

— Альфа Морран, — сказал Тарвен, поворачиваясь к Кайру, — подтверждаешь ли ты своё решение перед Советом, кровными родами и свидетелями стаи?

Кайр вышел в круг.

Каждый его шаг звучал глухо, тяжело. Селена заставила себя не отступить, когда он остановился напротив. Между ними было всего несколько шагов, но ей казалось, что это расстояние шире северных ущелий.

На его правой руке темнела брачная метка — ещё не погасшая окончательно. Такая же, как у неё под манжетой. Знак не был рисунком на коже. Он жил глубже, в тепле крови, в памяти зверя, в том месте, где однажды два человека позволили друг другу стать ближе, чем стая.

Сегодня этот знак должны были разорвать.

Кайр смотрел на Селену долго. Так долго, что в зале вновь начался шорох. На мгновение ей показалось, будто он скажет что-то не по закону. Не мягкое, нет. Кайр не умел быть мягким перед чужими глазами. Но, может быть, честное.

Он сказал:

— Подтверждаю.

Селена услышала, как кто-то сзади тихо выдохнул. Возможно, ждали сопротивления. Возможно, ждали, что альфа передумает. Она не знала. Ей было всё равно.

Кайр продолжил:

— Брак не принёс стае наследника. Род Морранов не может оставаться без будущего из-за пустой клятвы.

Пустой.

Селена чуть наклонила голову, будто принимала удар. На самом деле прятала глаза.

Потому что в этот миг она увидела не зал, не Совет, не Весту. Она увидела, как Мирон встал на табурет, чтобы достать с верхней полки деревянного волка, которого сам же туда закинул. Как Сава спорил, что ему можно идти к ручью одному, потому что он уже большой и вообще слышит лёд лучше взрослых. Как Нира принесла ей треснувшую чашку и серьёзно сказала, что чашки тоже надо обнимать, если они больше никому не нужны.

Пустая клятва.

Селена медленно разжала пальцы.

— Ты согласна отказаться от имени Морранов? — спросил Тарвен.

Кайр не отвёл взгляда.

Селена понимала, чего от неё ждут. Им нужна была не просто подпись под разводом. Им нужно было её добровольное исчезновение. Если она откажется, начнутся вопросы. Если начнутся вопросы, поднимут старые записи. Если поднимут старые записи, кто-то заметит следы вырванных имён. А если следы приведут к границе, к дому без герба, к трём детям с глазами Кайра…

Она не закончила мысль.

Нельзя было.

— Согласна, — сказала Селена.

Кайр едва заметно шевельнулся.

Не шагнул, не изменился лицом, но она знала его достаточно хорошо, чтобы заметить: ответ не принёс ему удовлетворения. Может быть, он хотел борьбы. Может быть, он привык, что слабых легче презирать, когда они плачут. А может, где-то в нём ещё жила память о женщине, которая когда-то смеялась у огня и говорила, что Север красив именно потому, что не умеет притворяться ласковым.

Селена больше не была той женщиной.

Тарвен кивнул младшему писцу. Тот вынес узкую серебряную пластину с родовым знаком Морранов. На ней лежал брачный обруч — не кольцо, а тонкая лента тёмного металла, которую Селена носила на запястье в первые годы брака, пока метка не укоренилась в крови окончательно. После этого лента хранилась в родовом зале как свидетельство союза.

Теперь её должны были разомкнуть.

— По праву Совета и с согласия альфы, — произнёс Тарвен, — брачная связь признаётся завершённой. Селена Вейр теряет защиту рода Морранов, место в главном доме, право голоса в семейном круге и доступ к родовой памяти Северной стаи.

Доступ к родовой памяти.

Вот оно.

Селена подняла глаза.

— К родовой памяти? — спросила она.

Это были первые слова, в которых прозвучал не ответ, а вопрос. Зал насторожился.

Тарвен чуть приподнял бровь.

— Ты больше не часть рода, Селена. Тебе не нужно знать то, что принадлежит Морранам.

— Я и так не знала, — сказала она тихо.

Кайр посмотрел резче.

На лице Тарвена ничего не дрогнуло, но его пальцы на книге чуть согнулись. Селена заметила. И поняла: он услышал в её словах больше, чем она сказала.

Веста тоже заметила. Её улыбка исчезла почти сразу, но достаточно поздно.

— Прошлые обиды не изменят решения, — произнёс Кайр.

Селена повернулась к нему.

Это был опасный миг. Такой опасный, что она почти услышала, как где-то далеко, за лесом и снегом, Нира хнычет во сне, чувствуя материнский страх. Селена должна была промолчать. Должна была. Но в груди поднималось то, что годами приходилось прижимать к земле, как огонь под ладонью.

— Я не говорю об обидах, альфа Морран, — ответила она. — Я говорю о памяти. Иногда из неё исчезает не то, что было лишним, а то, что кому-то было страшно оставить.

На этот раз тишина стала настоящей.

Даже Веста не шелохнулась.

Кайр смотрел на Селену так, будто впервые за долгое время пытался не приказать ей замолчать, а понять, что именно она сказала. На его лице по-прежнему не было растерянности, но между бровей легла жёсткая складка.

— Объясни, — сказал он.

Одно слово.

Приказ.

Когда-то Селена, возможно, ответила бы. Слишком сильно хотела быть услышанной. Слишком долго верила, что если подобрать правильные слова, Кайр поймёт. Но мать троих детей не имела права на такую наивность.

Она опустила взгляд на серебряную пластину.

— Мне нечего объяснять Совету, который уже всё решил.

Тарвен закрыл родовую книгу.

Звук был резким, как захлопнутая дверь.

— Тогда завершим.

Младший писец подошёл к Селене. Его руки дрожали сильнее, чем её. Совсем молодой, почти мальчишка, с рыжеватыми ресницами и испуганным взглядом. Он держал пластину так, будто боялся уронить не металл, а чужую судьбу.

Селена сама сняла манжету с левого запястья.

Кожа под тканью была бледной. Брачная метка тянулась тонким тёмным узором от запястья к локтю, похожая на ветвь северного дерева. Когда-то этот знак согревал. Сейчас он казался чужим следом, который никак не хотел исчезнуть.

В зале кто-то шепнул:

— Даже метка слабая.

Селена не повернулась.

Кайр повернулся.

Этого хватило. Шёпот оборвался.

Странная злость кольнула её изнутри. Он мог позволить Совету отнять у неё имя, дом, место, но не позволял толпе шептаться о метке? Какая щедрость. Какая поздняя, ненужная защита.

Тарвен взял тонкий нож для размыкания родовых уз. Не боевой, не острый для плоти — обрядовый, с гладким лезвием из белого камня. Им не резали кожу. Им проводили над знаком, разрывая то, что стая считала законной связью.

Селена выдержала первый жест спокойно.

На втором внутри что-то потянуло, будто из груди вытянули нить, за которую держалась не любовь, а годы. На третьем зал качнулся, но она не пошатнулась. Перед глазами снова вспыхнула та ночь: она сидит на полу чужого дома у границы, прижимает к себе трёх крошечных детей и слышит за окном вой. Тогда ей казалось, что Кайр найдёт её. Не ради неё — ради правды. Ради того, что должно было быть сильнее Совета.

Он не пришёл.

Метка на руке побледнела.

На руке Кайра тоже.

Селена увидела это краем глаза. Увидела, как он сжал пальцы, будто разрыв оказался для него неожиданно болезненным. Хорошо. Пусть хоть что-то в этот день достанется не только ей.

— Связь расторгнута, — объявил Тарвен. — Селена Вейр покинет главный дом до захода солнца. До окончания третьей ночи она обязана уйти за пределы внутреннего круга Северной стаи. Ей запрещается обращаться к родам Морранов с имущественными, семейными и наследственными требованиями.

Наследственными.

Селена медленно вдохнула.

Вот ради чего всё.

Не просто развод. Не новая женщина. Не бесплодная ветвь. Им нужно было заранее отрезать любое право детей, даже если однажды правда всплывёт.

Она посмотрела на Тарвена. Старейшина встретил её взгляд без страха. И Селена поняла: он знает. Не всё, возможно. Не где они. Не как их зовут. Но знает, что пустота в родовой книге не была пустотой.

Кайр не знал.

Это ударило страннее, чем все обвинения.

Он мог быть жестоким, гордым, слепым, зависимым от законов собственной власти. Но сейчас, глядя на его лицо, Селена вдруг ясно увидела: главной правды ему не сказали. Или сказали так,чтобы он поверил в ложь.

И от этого не стало легче.

Потому что незнание не возвращало ей пяти лет страха.

— Ты слышала решение? — спросил Тарвен.

— Слышала.

— Повторишь перед стаей, что не имеешь претензий к роду Морранов?

Веста слегка наклонила голову. Кайр застыл.

Селена поняла ловушку. Стоило сказать эти слова, и позже любое её требование от имени детей можно будет объявить ложью бывшей жены, которая уже отказалась от претензий. Стоило не сказать — и Совет получит повод задержать её, проверить, допросить, заставить раскрыть то, что она прятала годами.

Она выбрала третье.

— Я не имею претензий к тому, что действительно принадлежит роду Морранов, — произнесла Селена.

Тарвен сузил глаза.

Кайр чуть повернул голову.

Веста улыбнулась, но пальцы её, сложенные у пояса, побелели.

Фраза была принята залом как покорность. Но те, кто умел слышать, услышали границу. Селена не отдала то, что принадлежало ей. Она не отдала детей. Не вслух. Не перед законом. Не перед волками, которые готовы были разорвать любую слабость и назвать это порядком.

— Достаточно, — сказал Кайр.

Тарвен бросил на него короткий взгляд.

— Альфа?

— Я сказал, достаточно. Решение принято.

Впервые за всё заседание в голосе Кайра появилось раздражение. Не ярость, не сомнение, но трещина. Селена не позволила себе радоваться. Трещины в камне не всегда означают, что он рухнет. Иногда через них просто тянет холодом.

Веста шагнула ближе к Кайру, едва заметно коснувшись его рукава.

— Стая благодарна за твою мудрость, мой альфа, — сказала она.

Селена смотрела не на её руку, а на лицо Кайра. Он не ответил Весте. Не отстранился, но и не принял прикосновение. Просто продолжал смотреть на Селену так, будто её последняя фраза застряла где-то между ними.

Поздно.

Слишком поздно.

Тарвен сделал знак, и стражи у дверей распахнули тяжёлые створки. Холодный воздух ворвался в зал, принёс запах снега, дыма из дальних домов и влажного камня. За дверями открывался двор главного дома Морранов — тот самый двор, куда Селена когда-то вошла молодой женой, неся в руках ветку белой рябины, знак мира между её малым родом и Северной стаей.

Тогда на неё смотрели с любопытством.

Сегодня — с облегчением.

Она уходила.

Им всем становилось проще дышать.

Селена повернулась к выходу. Шаг. Второй. Третий. Спина оставалась прямой, хотя внутри всё тянуло назад: не к Кайру, нет, а к той себе, которая когда-то верила, что достаточно быть честной, чтобы тебя не предали.

У самых дверей его голос остановил её.

— Селена.

Она не обернулась сразу. Дала себе один вдох. Потом повернула голову.

Кайр стоял в круге один. Веста чуть позади, Совет у книги, стая вокруг. И всё же на мгновение показалось, что в зале только они двое.

— До третьей ночи, — сказал он. — Не заставляй меня отправлять стражу.

Вот и всё.

Не вопрос. Не сожаление. Не попытка понять, что скрывалось в её словах. Приказ, обёрнутый в предупреждение.

Селена посмотрела на мужчину, которого когда-то любила достаточно сильно, чтобы поверить ему свою жизнь. Теперь она любила троих детей куда сильнее, чем когда-либо любила его.

— Не придётся, альфа Морран, — ответила она. — Я давно научилась уходить раньше, чем меня начинают искать.

Его лицо не изменилось, но глаза стали темнее.

Селена вышла.

Двери за её спиной закрылись не сразу. Она успела услышать, как зал снова наполнился голосами, шорохами, движением. Жизнь стаи продолжалась. У кого-то сегодня будет ужин в тёплом доме, кто-то обсудит, как достойно держалась бывшая жена альфы, кто-то скажет, что всё вышло справедливо. К вечеру её имя станет удобной историей. К утру — предупреждением для других женщин: не дала наследника, не удержала место, ушла.

Селена спустилась по каменным ступеням во двор.

Снег падал мелко и густо, будто Север хотел замести следы ещё до того, как она успеет их оставить. У ворот стояла старая повозка, в которую сложили её вещи. Их было обидно мало для прожитых лет: два сундука, мешок с одеждой, короб с книгами, тёплое покрывало, которое она когда-то вышивала долгими зимними вечерами. Всё, что стая сочла её личным.

Не было только главного.

Главное ждало за границей внутреннего круга, в доме, который не значился ни в одной книге Морранов. Дом был старый, низкий, с крышей, просевшей под снегом, и окнами, которые Селена сама укрепляла перед каждой зимой. Там скрипели половицы, плохо держали тепло стены, а по ночам ветер пел в трубе так тоскливо, что Нира забиралась к ней под бок и просила рассказать, как шумит море, которого они никогда не видели.

Там был Мирон.

Сава.

Нира.

Селена подошла к повозке и сама взяла поводья у конюха. Тот замялся.

— Госпожа…

Она посмотрела на него.

Он покраснел и опустил глаза.

— Селена Вейр, — поправился он.

Её новое старое имя прозвучало странно. Как одежда, из которой она выросла, но которую заставили надеть снова.

— Я справлюсь, — сказала она.

— Дорога к границе заметена.

— Значит, следов будет меньше.

Он не нашёлся с ответом.

Селена поднялась на козлы. Руки слушались плохо, но она держала поводья крепко. Прежде чем тронуться, она невольно посмотрела на окна главного зала. За тёмным стеклом мелькнули фигуры. Одна — высокая, неподвижная. Даже отсюда она знала, что это Кайр.

Он смотрел.

Пусть смотрит.

Селена щёлкнула поводьями, и повозка медленно покатилась к воротам.

Дорога от главного дома к внешнему кругу шла через поселение стаи. Днём здесь обычно шумели мастерские, спорили торговцы, дети бегали между домами, молодые волки упражнялись на площадке у восточной стены. Сегодня многие вышли к дверям, чтобы посмотреть на неё. Никто не бросал слов в спину. Северная стая гордилась тем, что не опускается до базарной грубости. Здесь умели ранить тишиной.

Селена ехала, не ускоряя хода.

У дома ткачей старая женщина коснулась пальцами груди — не знак поддержки, скорее привычный жест перед чужой бедой. У кузницы двое мужчин отвернулись, едва она проехала мимо. У колодца девочка лет десяти спросила у матери слишком громко:

— Это та, которую альфа отпустил?

Мать зажала ей рот ладонью.

Селена посмотрела вперёд.

Отпустил.

Как милостиво.

У северных ворот её остановили стражи. Формально. Один проверил дорожный знак, второй записал время выхода из внутреннего круга. Селена узнала обоих. Когда-то они кланялись ей как жене альфы. Сегодня один не поднимал глаз, другой старался быть слишком строгим.

— До третьей ночи вы должны покинуть земли внутреннего круга, — сказал старший.

— Мне уже сообщили.

Он сглотнул.

— Совет приказал передать: вам запрещено возвращаться без вызова.

Селена посмотрела на заснеженную дорогу за воротами.

— Передайте Совету, что я не скучаю по дверям, которые закрываются снаружи.

Стражник вздрогнул, но промолчал.

Ворота открылись.

За ними начиналась дорога к пограничным лесам. Там снег лежал глубже, деревья стояли плотнее, а воздух пах свободой и опасностью одновременно. Внутренний круг стаи оставался за спиной — с его законами, камнем, родовыми книгами и людьми, которые боялись правды сильнее зимы.

Чем дальше Селена отъезжала, тем легче становилось дышать. Не свободнее — нет. Свобода не приходила так быстро. Но между ней и Советом росло расстояние, а расстояние всегда было её первым союзником.

Она правила сама, пока дорога позволяла. Потом повозка стала вязнуть, и пришлось спуститься. Снег доходил почти до колена, подол намок, пальцы озябли, но Селена упорно вела лошадь вперёд. До дома оставалось меньше часа, когда небо начало темнеть.

В лесу было тихо.

Слишком тихо.

Она остановилась у старой сосны с раздвоенным стволом и прислушалась. Где-то далеко треснула ветка. Потом ещё одна. Ветер принёс слабый запах чужого волка, но быстро унёс в сторону. Селена не стала ждать. Она сняла с шеи маленький деревянный знак без герба — простую дощечку с вырезанной линией границы — и провела пальцем по краю.

На снегу у колёс проступил тонкий круг. Не защита от всего мира. Такой силы у неё не было. Но достаточно, чтобы сбить след на несколько часов и заставить любого идущего за ней свернуть к старому руслу.

Селена убрала знак обратно и пошла быстрее.

Дом показался уже в сумерках.

Низкий, тёмный, с двумя светящимися окнами. Дым из трубы поднимался ровно, значит, внутри всё было спокойно. На крыльце висел маленький пучок сухих трав, который дети сами связали осенью просто потому, что им нравилось, как он шуршит на ветру. Селена каждый раз собиралась снять, чтобы не выдавал дом, и каждый раз оставляла. У детей должно было быть хоть что-то бесполезное и радостное.

Едва повозка остановилась у ворот, дверь распахнулась.

— Мама!

Сава вылетел первым, как всегда, без шапки и с расстёгнутым воротом. За ним Мирон — серьёзный, нахмуренный, в слишком большом свитере, который вечно сползал с одного плеча. Нира появилась последней, сонная, с деревянной лисой в руке и растрёпанной косой.

Селена успела сделать два шага, прежде чем Сава врезался в неё всем телом. Мирон обнял осторожнее, но крепче. Нира прижалась сбоку и тут же подняла голову.

— Ты долго, — сказала она.

— Дорога была тяжёлая.

— Нет, — Нира нахмурилась. — Ты внутри долго.

Селена провела ладонью по её волосам.

— Иногда так бывает.

Мирон смотрел на повозку, потом на её лицо. Ему было всего пять, но он умел замечать то, что взрослые пытались спрятать. Слишком многое видел за свои короткие годы.

— Они тебя обидели? — спросил он.

Селена присела перед ними, несмотря на мокрый снег и усталость, которая тянула плечи вниз.

— Они сделали то, что давно собирались сделать.

Сава нахмурился.

— Мы теперь уедем?

— Нет.

Ответ вырвался быстрее, чем она успела подумать. Трое детей посмотрели на неё одновременно, и Селена поняла, что сказала правду, которую ещё не успела решить. Нет. Она не будет снова бежать в первую же ночь. Не позволит Совету гнать их всё дальше, пока у детей не останется ни дома, ни имени, ни права смотреть на небо без страха.

— Мы останемся здесь, — сказала она уже спокойнее. — Пока я не решу, как будет безопаснее.

— А он? — спросил Мирон.

Селена замерла.

— Кто?

Мирон опустил глаза. Носком сапога провёл линию по снегу.

— Тот, кто говорил с тобой в каменном доме.

Сава повернулся к брату.

— Ты опять слышал?

— Не специально, — буркнул Мирон. — Оно само.

Селена медленно выпрямилась. Холод от мокрого подола больше не чувствовался. Весь мир сузился до лица старшего сына, слишком серьёзного для его возраста.

— Что ты слышал, Мирон?

Он пожал плечами, но пальцы вцепились в край свитера.

— Голос. Громкий. Он сказал, что ты должна уйти до третьей ночи. А потом… — мальчик запнулся и посмотрел на брата с сестрой, будто искал поддержки. — Потом он сказал твоё имя так, будто сердился, но не хотел.

Селена закрыла глаза на одно мгновение.

Кайр.

Связь не исчезла.

Развод должен был оборвать брачную метку, стереть её из рода, закрыть для неё дороги памяти. Но вместо этого что-то сдвинулось в детях. Или проснулось. Или почувствовало пустое место там, где ложь Совета больше не могла держать прежнюю форму.

Нира потянула Селену за рукав.

— Мама.

— Что, маленькая?

Девочка подняла на неё глаза. Серые, как зимнее утро. Глаза Кайра, только мягче. Живее. Страшнее для любой тайны.

— Когда ты была там, у меня тут стучало, — Нира приложила ладонь к груди. — Не как когда страшно. А как когда кто-то зовёт домой.

Селена не нашла ответа.

Сава вдруг втянул носом воздух и повернулся к лесу.

— Там кто-то был.

— Где?

— Далеко. А теперь нет.

Мирон шагнул ближе к матери.

— Он придёт?

Селена хотела сказать «нет». Очень хотела. Это было бы просто. Тепло. По-матерински. Но дети Морранов слишком рано научились отличать утешение от правды.

Она взяла их за руки.

— Если придёт, сначала встретит меня.

Сава вскинул подбородок.

— И меня.

— Нет, — сказала Селена мягко, но твёрдо. — Ты будешь слушать меня.

Он надулся, но спорить не стал.

Они вошли в дом, и привычное тепло встретило Селену так неожиданно, что ей захотелось сесть прямо на пороге. На столе стояла недорезанная буханка, рядом лежали три деревянные ложки, Нирина лиса занимала почётное место у лампы. Всё было маленьким, тесным, несовершенным — и настоящим. Не как главный дом Морранов, где каждый камень помнил власть. Здесь каждая царапина на столе помнила детский смех.

Селена помогла детям снять верхнюю одежду, проверила окна, засовы, заднюю дверь. Мирон молча ходил за ней. Сава пытался делать вид, что совсем не волнуется, поэтому дважды уронил полено у печи. Нира забралась на лавку с ногами и не выпускала лису.

— Мам, — спросила она, когда Селена наконец остановилась у окна, — а альфа плохой?

Вопрос был маленький. Детский. И оттого невыносимый.

Селена посмотрела в тёмное стекло. За ним отражалось её лицо — бледное, усталое, с глазами женщины, которая сегодня потеряла имя, но не имела права потерять себя.

— Альфа опасный, — сказала она. — Этого пока достаточно знать.

— Но он звал, — упрямо прошептала Нира.

Мирон сел рядом с сестрой.

— Не её. Нас.

Селена резко повернулась.

— Что?

Мирон побледнел, будто сам испугался сказанного. Сава перестал возиться у печи. Нира прижала деревянную лису к груди.

Снаружи ветер ударил в ставни, и в тот же миг под дверью, прямо на внутренней стороне порога, проступила тонкая серебряная линия. Она ползла по дереву медленно, уверенно, складываясь в знак, который Селена видела сегодня на плаще Кайра и на закрытой родовой книге Совета.

Знак Морранов.

Тот самый, которому неоткуда было взяться в доме без герба.

Нира тихо всхлипнула и прижалась к Селене.

— Мама, — спросила она почти шёпотом, — почему этот альфа зовёт мою кровь?

Глава 2. Тройня, которой нет в книгах

Селена не сразу ответила дочери.

В такие мгновения ложь казалась самым мягким покрывалом на свете. Можно было присесть рядом, прижать Ниру к себе, сказать, что ей показалось, что это просто страх после долгого дня, что ветер за ставнями умеет петь чужими голосами, а серебряная линия на пороге — лишь старое дерево вспомнило о прежних хозяевах. Можно было произнести любую из этих удобных неправд и хотя бы на одну ночь вернуть детям ощущение обычного дома.

Но дети уже смотрели на порог.

Мирон стоял у стола, сжимая край своего растянутого свитера так крепко, будто держался за него, чтобы не подойти ближе к знаку. Сава застыл у печи, забыв про полено в руках. Нира прижималась к Селене, но не прятала лица. Её серые глаза были широко раскрыты, и в них отражалась тонкая серебряная вязь на дереве.

Знак Морранов продолжал проступать.

Он не горел и не шипел, не ломал половицы, не распахивал двери. В этом и было самое страшное. Он появлялся спокойно, уверенно, по праву, будто всегда принадлежал этому дому, этому порогу, этой тишине. Линии складывались в волчью голову над северной звездой — древний знак рода Кайра. Тот самый, что Селена сегодня видела на плаще бывшего мужа, на родовой книге Совета, на серебряной пластине, где размыкали их брачную связь.

Только здесь его быть не должно было.

Этот дом стоял за пределом внутреннего круга. Он не значился в реестрах Морранов, не имел герба, не принимал родовую защиту. Селена сама покупала здесь каждый гвоздь, сама меняла засовы, сама ставила малые пограничные метки, чтобы сбить чужой след. По всем законам Северной стаи это место было пустой точкой на краю владений.

Но кровь не читала реестров.

Кровь помнила.

— Мама, — Нира потянула её за рукав сильнее. — Он нас заберёт?

Селена опустилась перед дочерью на колени. Пол холодил даже через ткань платья, но этот холод помогал не сорваться, не броситься к двери, не начать стирать знак голыми руками до крови. Она взяла Ниру за плечи и заставила себя говорить спокойно.

— Никто вас не заберёт.

— Но он зовёт, — упрямо сказала Нира. — Не словами. Вот тут.

Она снова приложила ладонь к груди.

Сава шагнул ближе.

— Я тоже слышал. Не как Мирон. Не голос. Просто… будто за домом появилась дорога туда, куда нам нельзя.

Мирон резко поднял голову.

— Я говорил, надо было уходить.

— Мирон, — тихо сказала Селена.

— Надо было, — повторил он уже тише, но упрямо. — Ты сказала, мы останемся. А дом теперь сам им показывает, что мы здесь.

Селена посмотрела на старшего сына. В свои пять лет Мирон слишком часто говорил так, будто старался быть взрослым вместо неё. Не мудрым, нет. В его словах не было зрелости, которую иногда неправдоподобно приписывают детям. Там был страх ребёнка, который привык слушать шаги раньше, чем взрослые дойдут до двери. Он сердился, потому что боялся. И потому что не мог защитить мать так, как хотел.

Она протянула руку, но Мирон отступил на полшага.

Это ударило больнее, чем Селена ожидала.

— Я не знала, что связь проснётся после суда, — сказала она честно. — Думала, разрыв метки сделает нас незаметнее.

— А сделал наоборот? — спросил Сава.

Селена посмотрела на порог.

Серебряная линия остановилась. Знак был полным. Красивым. Чужим. Непрошеным.

— Возможно.

Нира всхлипнула.

— Значит, мы плохие? Потому что нас нет в книгах?

Селена резко повернулась к ней.

— Нет.

Слово вышло слишком жёстким, и Нира вздрогнула. Селена тут же смягчила голос, взяла её холодные пальцы в свои.

— Нет, маленькая. Вы не плохие. Книги могут молчать, если их заставили. Книги могут врать, если к ним пустили трусливые руки. Но то, что вас нет в родовых записях, не делает вас неправильными.

— Тогда почему нас спрятали? — спросил Мирон.

В комнате стало тесно от этого вопроса.

Селена знала, что однажды он прозвучит. Дети росли. Они замечали больше, чем ей хотелось. Видели, что к ним не приходят гости, что у них нет соседских игр, что их имена нельзя кричать в лесу, что на окна ставят двойные засовы, а дорогу к дому после каждого снегопада она заметает не только метлой, но и пограничной вязью. Мирон давно понимал: их жизнь отличается от обычной. Сава злился на запреты. Нира пока пыталась превращать страх в сказку, но и она всё чаще задавала вопросы, от которых у Селены немели руки.

Сегодня отступать было поздно.

Не всю правду. Но достаточно, чтобы они не решили, будто виноваты сами.

— Потому что есть люди, которым важнее власть, чем дети, — сказала она. — Они боятся всего, что не могут записать, приказать и поставить под свой знак. А вы родились не тогда, когда им было удобно.

Сава нахмурился.

— Мы родились неправильно?

— Вы родились вовремя, — Селена погладила его по щеке. — Просто не для них.

Мирон посмотрел на порог.

— А для него?

Имя Кайра не прозвучало, но Селена услышала его между словами так ясно, будто бывший муж стоял за дверью.

Она поднялась, подошла к полке у стены и достала серую ткань, плотную, тяжёлую, сотканную без узора. Когда-то Селена закрывала ею окна в самые лунные ночи, чтобы детские глаза, внезапно ставшие слишком светлыми, не отразились в стекле. Теперь она опустилась к порогу и накрыла знак.

Серебряные линии всё равно просвечивали сквозь ткань.

— Он не знает о вас, — сказала она.

Нира замерла.

— Совсем?

Селена медленно выдохнула.

— Совсем.

— А если узнает, обрадуется? — спросила она совсем тихо.

На этот раз Селена не смогла ответить сразу.

Потому что этот вопрос был не о Кайре. Он был о маленькой девочке, которая впервые почувствовала зов отца и уже успела придумать, что где-то есть сильный большой волк, кото-

рый, возможно, должен был прийти, поднять её на руки и сказать, что искал всю жизнь. Нира не знала зала Совета. Не видела, как Кайр стоял напротив Селены и называл их брак пустой клятвой. Не слышала, как он требовал уйти до третьей ночи.

И, может быть, имела право не знать этого хотя бы сегодня.

— Я не знаю, — сказала Селена. — Но пока он не знает, мы должны быть осторожны.

Мирон обнял себя руками.

— Я не хочу к нему.

— Тебя никто не заставит.

— А если он альфа? — Сава поднял подбородок, и в этом жесте вдруг мелькнул Кайр так явственно, что Селена почувствовала, как защемило под рёбрами. — Альфам все подчиняются.

— Не все, — ответила она.

Сава упрямо посмотрел на неё.

— Ты подчинялась?

Вопрос был детский, прямой, без злости, и именно поэтому пробил глубже любой насмешки Совета.

Селена хотела сказать «нет». Хотела дать детям образ матери, которая всегда была сильной, всегда знала, как поступить, всегда держала дверь закрытой перед опасностью. Но они жили не в сказке у огня. Они жили в доме, где каждая доска помнила её страх.

— Иногда, — призналась она. — А потом поняла, что послушание не всегда означает верность. Иногда это просто удобная цепь.

Мирон тихо спросил:

— А мы будем с цепью?

Селена притянула его к себе. На этот раз он не отступил.

— Нет.

Он уткнулся лбом ей в плечо и наконец перестал держаться взрослым. Просто стоял, маленький, напряжённый, тёплый, и дышал так неровно, будто долго бежал. Сава подошёл сам, прижался сбоку, всё ещё сердитый, но уже не спорящий. Нира обняла их всех, насколько хватило рук, и деревянная лиса больно ткнулась Селене в бок.

Несколько мгновений они стояли молча.

Дом поскрипывал под ветром. За стеной темнел лес. Под серой тканью на пороге чужой знак светился слабее, но не исчезал.

Селена понимала: ночь будет долгой.

Она уложила детей позже обычного, но никто из них не заснул сразу. Мирон лёг ближе к двери, хотя Селена велела ему выбрать место у стены. Сава повернулся лицом к окну и сделал вид, что просто смотрит на снег, но ладонь его всё время сжимала край одеяла. Нира перебралась к середине лежанки, между братьями, и крепко держала деревянную лису за лапу.

— Мама, — позвала она, когда Селена уже убирала со стола.

— Да?

— А можно завтра не молчать весь день?

Селена остановилась.

В их доме были правила. Не кричать у открытого окна. Не выбегать за старый плетень. Не называть полных имён, если в лесу хрустнула ветка. Не отвечать незнакомому голосу. Не спорить с матерью, когда она говорит «внутрь». Дети принимали эти правила, как принимают зиму: она неприятная, но от неё никуда не денешься.

И всё же Нира впервые попросила не о сладости, не о лишней сказке, не о новой ленте для своей лисы.

Она попросила право говорить.

— Завтра будем говорить, — пообещала Селена. — Но в доме. И тихо, если ветер с севера.

— А если с юга?

— Тогда чуть громче.

Сава фыркнул в одеяло. Нира улыбнулась, но ненадолго.

Мирон не улыбнулся совсем.

— Он сейчас думает о нас? — спросил он.

Селена подошла к лежанке.

— Кто?

— Тот альфа.

— Ты слышишь его?

Мирон помолчал, будто прислушиваясь не ушами, а всем телом.

— Нет. Только… как будто далеко кто-то ходит и не знает, зачем встал.

Селена села рядом.

Это было новое.

Мирон никогда не слышал людей так далеко. Его дар проявлялся обрывками: намерение открыть дверь, желание соврать, злость перед ударом по столу, тревога за стеной. Он не читал мысли, не узнавал тайны, не мог рассказать, о чём человек думает слово в слово. Скорее чувствовал направление чужой воли, как другие чувствуют запах дыма или приближение грозы.

Если он ощущал Кайра из главного дома Морранов, значит, разорванная брачная метка действительно стала мостом не для Селены, а для детей.

Для его детей.

— Не тянись к этому чувству, — сказала она. — Если оно придёт само, скажешь мне. Но сам не ищи.

— Я не ищу.

Он сказал это слишком быстро.

Селена убрала волосы с его лба.

— Мирон.

Мальчик насупился.

— Я хотел понять, злой он или нет.

— И что понял?

Он долго молчал. Сава даже перевернулся, чтобы посмотреть на брата. Нира перестала гладить деревянную лису.

— Он злой, — наконец сказал Мирон. — Но не как те, кто хотел, чтобы ты ушла. У них злость… наружу. Как собаки за забором. А у него внутри всё ходит кругами.

Селена закрыла глаза.

Не надо, Мирон. Не жалей его. Не ищи в нём хорошее раньше, чем он сам вспомнит, как им быть.

— Спи, — сказала она.

— Я не хочу, чтобы он был наш, — вдруг произнёс Сава.

Селена посмотрела на среднего сына. Он лежал с упрямо сжатыми губами, а глаза блестели слишком ярко.

— Почему?

— Потому что тогда получается, он нас потерял.

Нира шмыгнула носом.

— Может, он не знал.

— А должен был! — Сава сел, одеяло сползло на колени. — Если он такой главный, он должен всё знать. Он же альфа.

Мирон тихо сказал:

— Альфы тоже не слышат, если им закрывают уши.

— Кто закрывает? — Сава резко повернулся к нему.

Мирон пожал плечами, но глаза его стали испуганными.

— Не знаю. Там… в каменном доме. Я слышал не слова. Просто кто-то хотел, чтобы он не спрашивал.

Селена почувствовала, как холод снова поднялся от пола.

Совет.

Тарвен.

Веста.

Или все сразу.

Она не стала расспрашивать дальше. Нельзя было превращать детский дар в орудие. Нельзя было заставлять Мирона слушать тьму взрослых людей, чтобы матери стало легче строить догадки. Он был ребёнком. Ему полагалось спорить из-за корки хлеба, прятать под подушкой шишки, сердиться на младшую сестру, когда та забирает его деревянного волка.

Не чувствовать чужие намерения через половину стаи.

— Достаточно на сегодня, — сказала Селена мягко, но так, чтобы они услышали в голосе границу. — Все трое спать.

— А ты? — спросила Нира.

— Проверю дом и тоже лягу.

— У порога?

Селена улыбнулась краешком губ.

— Если понадобится.

— Я могу с тобой, — предложил Сава.

— Ты можешь спать.

Он хотел возразить, но зевнул так широко, что сам рассердился на своё тело. Нира тихонько хихикнула, и напряжение в комнате чуть ослабло. Селена укрыла их плотнее, погладила каждого по голове, дождалась, пока дыхание станет ровнее. Мирон уснул последним. Даже во сне он хмурился.

Когда в доме наконец стало тихо, Селена вернулась к порогу.

Серебряный знак под тканью потускнел, но не исчез. Она подняла серую полосу и провела пальцами рядом, не касаясь линий. Дерево было холодным. Не зимним холодом, а родовым — сухим, древним, будто порог на мгновение стал частью главного дома Морранов.

— Нет, — прошептала Селена. — Это мой дом.

Знак не ответил.

Она усмехнулась без радости. До чего дошла: спорит с деревом, потому что с живыми спорить опаснее.

Селена взяла из-под лавки узкую дощечку с границей, ту самую, которой сбивала след у дороги. Положила её поперёк порога. Дощечка была простой, почти детской на вид, но линии на ней вырезал человек, знавший старые тропы до того, как Совет решил, будто все границы принадлежат только ему. Селена не знала его имени. В первый год бегства она купила дощечку на дальнем торге у молчаливого старика, который посмотрел на её живот, потом на запястье с брачной меткой и сказал лишь: «Иногда дом надо научить молчать».

Дощечка легла на знак Морранов.

Серебряные линии дрогнули.

Селена задержала дыхание.

На миг показалось, что узор отступит. Но знак не погас. Он просто стал тоньше, глубже ушёл в древесину, будто не хотел больше светиться для глаз, но и уходить не собирался. Дом принял его. Не подчинился, но запомнил.

Значит, дело было не только в Кайре.

Дом признал кровь детей.

Селена медленно опустилась на ступеньку. Руки вдруг ослабли. День, который она держала на плечах, навалился весь сразу: зал Совета, голос Тарвена, холод Кайра, улыбка Весты, повозка в снегу, вопрос Ниры. Она позволила себе закрыть лицо ладонями лишь на несколько вдохов. Не больше. Матери нельзя было рассыпаться надолго, если в соседней комнате спали трое детей, которых не существовало в книгах.

Ночь прошла обрывками.

Селена то засыпала сидя у порога, то просыпалась от каждого вздоха дома. Под утро ветер стих. Снег перестал стучать по ставням, и тишина стала почти мирной. Она поднялась до рассвета, растопила печь, вымыла лицо ледяной водой из кувшина и долго смотрела на себя в маленькое потемневшее зеркало.

Селена Вейр.

Не Морран.

Не жена альфы.

Мать троих детей, которых искал не тот, кто должен был, а тот, кто хотел стереть их раньше, чем они научились писать свои имена.

Она заплела волосы туго, без украшений, надела простое тёмное платье, поверх — старую жилетку с потайным карманом для дорожного знака. Потом проверила половицы у стены: под третьей доской лежали завернутые в ткань детские вещи первого года, три маленькие ленточки без родовых узоров, несколько серебряных монет, старая карта внешнего круга и тонкая пластинка из белого дерева.

На пластинке не было имён.

Селена сама так решила.

Если её найдут, если дом вскроют, если дети успеют убежать, никто не должен получить их полные имена из спрятанной записи. Но на обратной стороне пластинки она вырезала три маленькие отметины: круг для Мирона, острый лист для Савы, звёздочку для Ниры. Не доказательство для Совета. Память для себя.

Она спрятала всё обратно и задвинула доску.

— Ты опять тайник проверяешь? — спросил Сава за спиной.

Селена выпрямилась.

Он стоял босиком на половике, сонный, взъерошенный, с отпечатком складки на щеке. Вчерашняя храбрость ещё не вернулась к нему полностью, но он уже пытался выглядеть так, будто ночь ничего не изменила.

— Проверяю, не завелись ли там мыши, — сказала Селена.

Сава прищурился.

— У нас нет мышей. Нира с ними разговаривает и просит уходить.

— Вот поэтому и нет.

Он подумал и кивнул, приняв объяснение как вполне разумное.

За ним вышла Нира, волоча за собой одеяло. Потом Мирон. День начался почти обычно: Сава спорил, что может сам нарезать хлеб, Нира искала свою лису, которую держала под мышкой и никак не могла заметить, Мирон молча поставил на стол четыре чашки и пятую, как всегда, убрал обратно на полку.

Селена заметила это движение.

— Почему ты достал пять?

Мирон замер.

— Не знаю.

— Мирон.

Он медленно поставил лишнюю чашку на полку.

— Просто показалось, что кто-то должен сидеть с нами.

Сава тут же нахмурился.

— Не надо.

— Я же не сказал, что хочу, — буркнул Мирон.

Нира посмотрела на пустое место за столом.

— А если он любит хлеб?

— Нира, — Сава возмущённо повернулся к ней. — Он маму выгнал.

— Он не знал про нас.

— Всё равно выгнал.

Селена поставила на стол тёплый хлеб, кусок сыра и миску с печёными яблоками, которые сохранились с осени в холодном ящике под окном. Обычная еда. Обычное утро. Если не смотреть на порог, где под серой тканью прятался знак чужого рода.

— Мы не будем за завтраком решать, какой он, — сказала она. — Ни хороший, ни плохой. Сейчас важнее понять, что происходит с вами.

Сава оживился.

— Мы превращаемся?

— Нет.

— А когда?

— Сава.

— Я просто спрашиваю.

— Ты спрашиваешь это каждое утро.

— Потому что однажды ты скажешь «сегодня».

Нира прыснула.

Мирон не засмеялся. Он смотрел на мать серьёзно.

— Ты хочешь проверить наши дары?

— Не проверить, — поправила Селена. — Понять.

— Это одно и то же.

— Нет. Проверяют тех, кому не доверяют. А понять пытаются тех, кого любят.

Он опустил глаза, и уши его покраснели.

После завтрака Селена велела детям одеться тепло. Они не выходили далеко. Только во двор, где старый плетень отделял дом от леса, а за сараем начиналась узкая тропа к ручью. Снег лежал ровно, мягко, утренний свет делал его почти голубым. Небо было низким, но ясным. После вчерашнего ветра каждая ветка казалась вымытой до тёмного блеска.

Дом выглядел мирно.

Слишком мирно для места, которое ночью позвала кровь альфы.

Селена сначала проверила следы. У ворот — только её вчерашние, детские у крыльца и глубокие вмятины от повозки. Вдоль плетня звериные цепочки: заяц, лиса, мелкая лесная птица. Чужих сапог не было. Волчьих следов тоже.

Сава, однако, уже стоял у дальнего угла двора и хмурился.

— Там граница стала другой.

Селена подошла к нему.

— Где?

Он показал не в лес, а на снег между старой яблоней и покосившимся столбом.

— Вот тут была наша. А теперь она как будто отодвинулась туда.

Он махнул рукой к деревьям.

Селена присела рядом. Для обычного глаза ничего не изменилось. Плетень на месте, снег ровный, столб стоит, яблоня тянет голые ветви к небу. Но Сава не видел границы. Он чувствовал её телом: подошвами, кожей, дыханием. С самого раннего детства он знал, где заканчивается безопасное место. Селена сначала думала, что это обычная осторожность, потом поняла: её средний сын ощущает линии стаи так, как другие слышат ручей подо льдом.

— Покажи, — сказала она.

Сава вытянулруку, сделал шаг, другой. Потом остановился так резко, будто упёрся в невидимую стену.

— Здесь новая.

— Больно?

— Нет. Щекотно. Только не смешно.

Нира подошла ближе, но Селена удержала её за плечо.

— Не переходи.

— Я не хочу, — Нира смотрела на снег перед Савой. — Там серые нитки.

Селена повернулась к дочери.

— Какие нитки?

Нира нахмурилась, пытаясь объяснить.

— Ну… как когда ты шьёшь, только не в руках. Они висят на воздухе. Одна идёт от дома. Одна от Савы. Одна от Мирона. Моя тоже есть. А твоя… — она замолчала.

— Что моя?

Нира подошла к матери, подняла её левую руку и отодвинула рукав. Место, где вчера темнела брачная метка, было бледным, почти чистым. Но девочка провела пальцем над кожей, не касаясь.

— Твоя порвалась.

Селена почувствовала, как Сава замер.

Мирон вышел на крыльцо, хотя минуту назад был в доме.

— А наши? — спросил он.

Нира посмотрела на него и вдруг отвела глаза.

— Ваши нет.

— Куда они идут? — тихо спросила Селена.

Дочь не ответила сразу. Она обернулась к северу, туда, где за лесом и дорогой стоял главный дом Морранов.

— Туда, где камни злые.

Сава шепнул:

— К нему?

Нира кивнула.

Мирон спустился с крыльца. Лицо у него стало совсем белым.

— Он проснулся.

Селена резко повернулась.

— Ты опять слышишь?

— Не голос. Шаги. Много шагов внутри одного человека. Он ходит по комнате. Останавливается. Смотрит на руку. Потом опять ходит.

Кайр.

Селена ясно представила его в главном доме: высокий силуэт у окна, бледная брачная метка на запястье, раздражение от того, что вчерашние слова не складываются в привычный порядок. Она слишком хорошо знала, как он думал, когда ему что-то не давало покоя. Молчал. Ходил. Заставлял окружающих держаться подальше. А потом отдавал приказ.

— Он ищет нас? — спросила Нира.

— Не знаю, — ответил Мирон.

— Не тянись дальше, — сказала Селена. — Сразу.

Он поморщился.

— Я и не тянусь. Оно само лезет.

Сава вдруг сделал ещё один шаг к новой границе и вскрикнул от неожиданности.

Не от боли. От испуга.

Снег вокруг его сапог пошёл мелкой серебряной рябью. Воздух дрогнул, и невидимая линия, которую чувствовал мальчик, на одно мгновение стала видимой: тонкая дуга прошла от яблони к столбу, потом к углу дома, потом дальше, к порогу.

К знаку Морранов.

Дом тихо скрипнул.

Нира испуганно зажала рот ладонью.

— Сава, назад! — Селена шагнула к сыну.

Он хотел послушаться, но вместо этого замер. Глаза у него стали светлее, слишком светлые для человеческого утра.

— Мам, я вижу дорогу.

— Какую дорогу?

— Не глазами. Тут. — Он стукнул себя кулаком по груди. — Она идёт от нас к большому дому. И обратно. И кто-то по ней может прийти.

Селена взяла его за плечи и рывком вернула за старую границу двора. Рябь на снегу оборвалась, но не сразу. Несколько серебряных искр прокатились по насту к плетню и ушли в землю.

В ту же секунду где-то далеко, совсем далеко, протяжно ответил волчий вой.

Не лесной.

Сторожевой.

Селена знала такие сигналы. Северная стая передавала ими не тревогу для всех, а сообщение между постами. Один короткий зов — след найден. Два — чужак. Долгий протяжный — родовая метка откликнулась.

У неё пересохло во рту.

Мирон прижал руки к ушам.

— Они услышали.

— Кто?

— Те, кто не хотел, чтобы мы были.

Сава испуганно посмотрел на мать.

— Я не хотел.

— Знаю, — Селена крепче сжала его плечо. — Ты ничего плохого не сделал.

Но сделанное уже расходилось по миру.

Не по снегу. Не по следам. По крови, по границам, по тем старым законам, которые Селена надеялась обмануть ещё хотя бы одну зиму.

Она быстро загнала детей в дом. Не позволила спорить, не дала Саве снова оглянуться на линию, не стала отвечать на вопросы Ниры, которая спрашивала, почему воздух теперь пахнет железом и мокрым камнем. Внутри Селена закрыла ставни, заложила засовы, сняла со стены дорожную сумку и начала складывать туда самое необходимое: тёплые вещи, монеты, сухой хлеб, детские рукавицы, карту внешнего круга.

— Мы уходим? — спросил Мирон.

Селена застыла с рукавицами в руках.

Ещё вчера она сказала: нет.

Ещё утром почти поверила, что сможет удержать дом.

Теперь всё изменилось.

Но если они уйдут сразу после вспышки Савы, любой, кто почувствовал отклик, поймёт: дом был жилым, дети здесь, мать испугалась. Бегство станет признанием. Если останутся — дождутся того, кто придёт проверить.

Впервые за много месяцев у Селены не было правильного решения. Только два плохих и одно опасное.

— Мы готовимся, — сказала она.

— Это значит уходим, — буркнул Сава.

— Это значит, что мать думает быстрее, когда сумка собрана.

Нира подошла к порогу. Селена хотела остановить её, но девочка уже присела рядом с серой тканью.

— Он светится сильнее.

Селена повернулась.

Серебро под тканью действительно стало ярче. Не прежний знак Морранов — линии изменились, расширились, словно родовой узор пытался найти новую форму. Нира осторожно приподняла край ткани, и Селена увидела, что волчья голова над северной звездой больше не одна.

Под ней проявлялись три маленькие отметины.

Круг.

Острый лист.

Звёздочка.

Селена медленно опустилась рядом с дочерью.

Это были не имена. Не слова. Но знаки были теми самыми, что она сама вырезала на спрятанной белой пластинке под половицей. Никто не видел их. Никто не знал. Даже дети не знали, что у каждого есть тайная отметина.

Дом показал их.

Или кровь.

Или кто-то, кто умел читать глубже, чем Селена позволяла себе думать.

— Мам? — голос Мирона стал тонким. — Почему там наши картинки?

Селена не ответила.

В голове с пугающей ясностью всплыл закон, который она слышала только однажды, ещё до брака, когда старые женщины у очага обсуждали далёкий спор в другом роду. Ребёнок альфьей крови, не внесённый в книгу, всё равно может быть признан родом, если дом, граница и кровь откликнутся вместе. Тогда Совет обязан открыть запись. Или объявить ребёнка угрозой порядку и забрать под надзор стаи.

Забрать.

Селена поднялась так резко, что Нира отпрянула.

— Все трое слушайте меня внимательно. Если я скажу идти в нижний лаз, вы идёте сразу. Не спорите, не берёте игрушки, не ищете ничего. Мирон ведёт первым, Нира за ним, Сава закрывает. Поняли?

— Я не хочу в лаз, — прошептала Нира.

— Я знаю.

— Там темно.

— Я пойду за вами.

— Ты всегда говоришь «за вами», а потом остаёшься закрывать дверь, — сказал Мирон.

Селена посмотрела на него.

Он смотрел в ответ почти сердито. Не потому, что не верил. Потому что слишком хорошо знал её.

— Сегодня я постараюсь пойти сразу, — сказала она.

— Постараешься — это не обещание.

— Мирон.

— Обещай.

Селена почувствовала, как внутри всё сжалось. Нельзя обещать то, чего можешь не выполнить. Нельзя давать детям красивую ложь вместо шанса выжить. Но и нельзя каждый раз оставлять их с мыслью, что мать может исчезнуть за любой закрытой дверью.

Она присела перед ним.

— Я обещаю, что не оставлю вас по своей воле.

Он подумал. Потом кивнул. Не удовлетворённый, но принявший.

Это было самое страшное в их жизни: даже обещания приходилось формулировать так, будто рядом уже стоял судья.

День потянулся туго.

Селена не позволила детям сидеть без дела. Без движения страх становился больше. Они убрали со стола, сложили лишние вещи в сундук, перетащили ближе к двери маленькие сапоги. Сава проверял засовы, хотя Селена запретила ему подходить к окнам без неё. Нира собирала деревянных зверей и никак не могла решить, кого брать, если придётся уходить. Мирон сидел у стены и слушал дом.

— Только дом, — предупредила Селена. — Не людей.

— Дом тоже боится, — сказал он.

— Дома не боятся.

— Наш боится.

Селена хотела возразить, но посмотрела на балки над головой. Старое дерево тихо потрескивало, хотя огонь в печи горел ровно, а ветра почти не было. Может быть, Мирон был прав. Может быть, дом, который столько лет молчал ради них, тоже понял, что тишина заканчивается.

После полудня Нира вдруг подошла к Селене и коснулась её запястья.

— У тебя опять нитка.

Селена замерла.

— Какая?

— Не как вчера. Тоньше. Она не к альфе. Она к книге.

— К какой книге?

Нира пожала плечами.

— Большой. Злой. Её закрыли, а она всё равно смотрит.

Родовая книга.

Селена медленно села на лавку.

Если Нира видела след от неё к книге Морранов, значит, разрыв связи действительно не закрыл дорогу. Наоборот: пока Селену вычёркивали, книга запомнила пустое место. Три пустых места. И теперь, после вспышки Савы, могла начать искать недостающие имена.

— Что ещё ты видишь? — спросила она осторожно.

Нира наморщила нос.

— На Мироне много серого. Он как будто всё время стоит у двери, даже когда сидит. У Савы вокруг ног линии. Они сердятся, когда он топает. А у меня… — Она опустила глаза. — У меня звёздочки на руках.

Сава подошёл ближе.

— Покажи.

— Не могу. Они не для глаз.

— Тогда откуда ты знаешь?

— Я вижу.

— Нечестно, — буркнул он.

Нира обиделась.

— Я не специально!

— И я не специально сделал дорогу.

Ссора вспыхнула мгновенно, как часто бывало у детей, когда страху требовалось выйти хоть куда-то. Сава сказал, что Нира всё время видит странное и пугает всех. Нира расплакалась не громко, но обиженно. Мирон велел им замолчать, потому что от их крика «в доме становится громче», и сам сорвался на Саву. Через минуту все трое уже говорили одновременно.

Селена не остановила их сразу.

Странно, но этот детский шум вернул дому жизнь. Не тайну, не угрозу, не родовые линии, а обычную усталую семью, где трое малышей ругаются из-за того, кто виноват в беде, потому что беда слишком большая, чтобы ругаться с ней напрямую.

Она дала им выдохнуть, а потом хлопнула ладонью по столу. Не сильно, но достаточно.

— Всё.

Они замолчали.

— Никто из вас не виноват. Ни Нира, потому что видит. Ни Сава, потому что чувствует границы. Ни Мирон, потому что слышит больше, чем хочет. Вы не сделали ничего плохого. Плохое сделали взрослые, которые решили, что могут вычеркнуть живых детей из памяти рода.

Мирон тихо спросил:

— А ты тоже взрослая.

Селена приняла удар.

— Да.

— Ты нас тоже вычеркнула? Чтобы спрятать?

Нира перестала всхлипывать. Сава смотрел на мать так, будто от ответа зависело, останется ли пол под ногами.

Селена медленно села напротив них.

— Я не вычеркнула вас, — сказала она. — Я спрятала ваши имена от тех, кто мог использовать их против вас. Но, может быть, я слишком долго прятала и от вас самих.

Мирон отвёл глаза.

— Значит, мы всё-таки есть?

Селена протянула руку к полке и достала маленькую дощечку, на которой дети обычно учились выводить буквы угольным кончиком. Положила перед собой, взяла тонкий кусочек угля и написала первое имя.

Мирон.

Потом второе.

Сава.

И третье.

Нира.

Дети смотрели на чёрные буквы так, будто Селена положила перед ними не дощечку, а ключ от огромной двери.

— Вот, — сказала она. — Вы есть. Не потому, что Совет разрешит. Не потому, что книга вспомнит. Не потому, что альфа узнает. А потому, что вы живёте, дышите, смеётесь, спорите, боитесь и любите этот дом. Ни один закон не сделает вас пустым местом.

Нира осторожно коснулась своего имени пальцем.

— А можно оставить?

— Можно.

— Даже если придут?

Селена посмотрела на дверь.

— Особенно если придут.

Ближе к вечеру небо снова затянуло. Снег стал серым, лес — густым и неподвижным. Селена уже решила, что ночью они уйдут нижним лазом к старому оврагу и переждут там до рассвета, когда Сава вдруг вскочил с пола.

— Кто-то перешёл дальнюю границу.

Селена поднялась.

— Где?

— У старого русла. Нет… не перешёл. Остановился перед ней.

Мирон побледнел.

— Он не хочет входить.

— Кто? — спросила Селена.

Мальчик прислушался и покачал головой.

— Не знаю. Он хочет, чтобы мы открыли сами.

Селена велела детям уйти к задней стене. На этот раз никто не спорил. Даже Сава молча взял Ниру за руку. Мирон остался чуть впереди, но Селена одним взглядом отправила его к брату и сестре.

Сама подошла к окну и осторожно отодвинула край ставни.

Сначала она ничего не увидела. Только снег, плетень, тёмные стволы. Потом у старого русла мелькнула фигура. Не близко. Слишком далеко, чтобы разглядеть лицо, но достаточно, чтобы понять: человек стоял прямо, не прятался и не торопился. На нём был плащ цвета зимнего камня. Не чёрный, как у Кайра. Не светлый, как у Весты. Советский.

Селена отпустила ставню.

Сердце ударило глухо, но мысли стали ясными.

Они пришли не толпой. Не стражей. Сначала послали того, кто проверяет, можно ли войти по закону. Того, кто стоит перед границей и ждёт ошибки хозяйки. Если Селена сама откроет родовой знак, дом признают связанным со стаей. Если не откроет — будут искать другой ход.

— В нижний лаз, — сказала она.

Нира всхлипнула, но Мирон уже потянул её к задней стене. Сава помог отодвинуть низкий сундук. Под ним пряталась крышка в полу, почти незаметная среди досок. Лаз вёл не далеко — всего к старой яме под корнями, а оттуда к оврагу. Но детям хватит, чтобы исчезнуть из дома до первого удара в дверь.

Селена открыла крышку.

Из темноты пахнуло холодной землёй и снегом.

— Быстро.

— Ты с нами, — сказал Мирон.

— Я закрою за вами и сразу следом.

Он задержался.

— Ты обещала.

— Я помню.

Сава первым спустился вниз, хотя боялся не меньше Ниры. Потом помог сестре. Мирон уходил последним, но вдруг замер и повернулся к двери.

— Он передумал.

Селена застыла.

— Кто?

— Тот у границы. Он больше не ждёт.

В этот миг снаружи раздались три удара.

Не в дверь.

В порог.

Глухие, размеренные, законные.

Дом ответил тихим стоном дерева. Серая ткань у входа сползла сама, и внутренний знак Морранов вспыхнул серебром. А потом снаружи, на верхнем камне порога, медленно проступила другая метка — не личный знак рода Кайра, а широкий волчий круг Северной стаи, знак официального обнаружения.

Селена стояла неподвижно, чувствуя, как за её спиной дети замирают в открытом лазе.

За дверью мягкий мужской голос произнёс:

— Селена Вейр, откройте по решению Совета. Дом найден.

Глава 3. Альфа у ворот

Селена не открыла.

Она стояла посреди комнаты, между дверью и открытым лазом, и чувствовала, как дом вокруг неё будто затаил дыхание. Дерево больше не скрипело. Огонь в печи осел ниже, не треснул ни одной искрой. Даже дети за её спиной молчали так тихо, что на несколько мгновений ей показалось: если она обернётся, в комнате уже никого не будет, только чёрный прямоугольник лаза и следы маленьких сапог на полу.

Но Мирон всё ещё был там. Она ощущала его взгляд, слишком серьёзный, слишком взрослый для пяти лет. Сава держал Ниру за руку, и Селена знала это, не видя их. Сава всегда хватал крепко, почти больно, когда боялся, будто мог удержать сестру не только рядом, но и в целом мире.

Снаружи снова ударили в порог.

Три раза.

Не грубо. Не торопливо. Так стучали не гости и не враги, а закон, который привык, что перед ним сами распахивают двери.

— Селена Вейр, — повторил мягкий мужской голос, — по решению Совета Северной стаи дом признан отмеченным. Вам предписано открыть порог для осмотра границы.

Осмотра границы.

Селена почти усмехнулась.

Красивые слова. У Совета всегда были красивые слова для самых грязных дел. Не обыск, не вторжение, не охота за детьми, которых сами же вырвали из книг, а всего лишь осмотр границы. Будто речь шла о кривом столбе у плетня или спорной полосе снега между двумя дворами.

Она сделала шаг назад, к детям, не сводя глаз с двери.

— В лаз, — произнесла одними губами.

Нира уже стояла на нижней ступеньке, бледная, с деревянной лисой, прижатой к груди. Сава спустился ниже, но не до конца. Мирон не двигался совсем.

— Мирон, — шепнула Селена.

Он смотрел на дверь.

— Там не один.

— Я знаю.

— Нет. Там… тот мягкий, который говорит. Ещё двое с железом на поясе. И дальше… — Мирон сглотнул. — Дальше он.

Селена почувствовала, как внутри всё оборвалось, но лицо удержала.

— Кайр?

Мирон кивнул.

Сава выдохнул в темноту лаза что-то злое и невнятное. Нира замерла, перестав даже гладить свою лису большим пальцем.

Селена на миг закрыла глаза.

Не Совет первым.

Кайр.

Конечно, Кайр. Он не отправил бы одних старейшин туда, где откликнулась родовая метка Морранов. Не после вчерашних слов в зале. Не после того, как брачная связь разорвалась, но вместо тишины оставила мост к детям. Он мог не знать правды, но уже чуял пустоту под ногами. А Кайр Морран не терпел пустот, которые не мог назвать.

— В лаз, — повторила Селена тише, но твёрже. — Все трое.

Мирон отступил на шаг, но всё ещё не спустился.

— Он не хочет ломать дверь.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что тот, кто рядом с ним, хочет. А он не разрешает.

Селена медленно повернула голову к двери.

Вот она, первая трещина. Опасная, ненадёжная, но всё-таки трещина. Кайр пришёл с правом силы, с меткой Совета на пороге, с людьми у дома, где были спрятаны его дети. И всё же пока не приказал войти.

Пока.

Это слово было хуже любого удара.

— Селена Вейр, — голос за дверью стал чуть громче. — Молчание будет признано отказом исполнить решение Совета.

— А открытая дверь будет признана согласием с ложью, — ответила Селена.

Она не повышала голоса, но знала: снаружи услышат. Волки слышали достаточно, когда хотели.

За дверью повисла пауза.

Потом заговорил другой голос.

Низкий. Холодный. Знакомый так глубоко, что у Селены на мгновение свело пальцы.

— Открой, Селена.

Не просьба.

Ещё нет.

Она медленно подошла к порогу, остановившись в шаге от серебряного знака. Внутренняя метка Морранов под серой тканью тихо светилась, внешняя метка Северной стаи давила снаружи. Между ними была только дверь — старая, перекошенная, укреплённая её руками.

— Ты вчера велел мне уйти до третьей ночи, альфа Морран, — сказала она. — Я ещё не нарушила твой приказ.

За дверью кто-то резко вдохнул. Не Кайр. Селена различила бы.

— Нарушение границы произошло сегодня, — произнёс он. — Родовая линия Морранов откликнулась в доме, которого нет в реестрах. Я пришёл выяснить почему.

— Реестры часто не видят того, что им невыгодно видеть.

— Открой.

— Нет.

Слово вышло спокойно. Слишком спокойно для женщины, у которой за спиной трое детей стояли у хода в темноту, а у порога — альфа, от которого она скрывала их пять лет.

Снаружи снег скрипнул под чьим-то шагом.

— Селена, — голос Кайра стал ниже, опаснее. — Я пришёл не за ссорой.

— Тогда зря взял с собой Совет.

Мягкий мужской голос вмешался прежде, чем Кайр ответил:

— Дом найден по отклику официальной метки. Мы обязаны удостовериться, не удерживаются ли здесь незарегистрированные лица, чужие знаки или имущество рода.

Незарегистрированные лица.

Селена почти физически почувствовала, как за её спиной Мирон дёрнулся. Не от понимания закона, нет. От интонации. Дети всегда слышали то, что взрослые прятали под словами.

— Назовите себя, — потребовала она.

— Советский поверенный Ливен Орн.

Имя было ей незнакомо. Плохо. Незнакомые люди хуже старых врагов: не знаешь, где у них слабость, чего они боятся, кому служат на самом деле.

— Кто с вами?

Пауза.

— Альфа Кайр Морран, двое стражей Северной стаи и госпожа Веста Роун как свидетельница со стороны будущего семейного круга Морранов.

Селена услышала тихий шорох за спиной. Нира.

Веста.

Новая женщина пришла не просто смотреть. Её привели как свидетельницу будущего семейного круга. Значит, Совет уже спешил закрепить её рядом с Кайром так, чтобы любая правда о детях выглядела угрозой новому порядку.

Селена медленно сжала пальцы.

— Веста Роун не имеет права на мой порог.

Голос Весты прозвучал почти ласково:

— Твой порог сам принял знак Морранов, Селена. Разве ты не видишь? Даже дом устал от твоей скрытности.

Сава тихо зарычал в лазе.

Не по-настоящему, не зверем. Детским, злым, сдавленным звуком, которым маленький мальчик пытался стать страшнее, чем был.

Селена не обернулась.

— Молчать, — шепнула она.

Сава замолк, но Кайр снаружи, конечно, услышал.

Тишина стала другой.

Более плотной.

— Кто в доме? — спросил Кайр.

Селена почувствовала, как сердце ударило о рёбра.

Вот и всё. Первый прямой вопрос.

— Я.

— Я слышал ещё один голос.

— У старых домов много голосов.

— Не играй со мной.

Эти слова он сказал так, как говорил когда-то в главном доме, когда кто-то из советников пытался скрыть от него часть донесения. Ровно, без крика, но с такой тяжестью, что воздух начинал подчиняться раньше людей.

Селена вдруг ясно вспомнила, как в первый год брака стояла рядом с ним на северной стене, слушая спор дозорных. Тогда один из мужчин соврал. Кайр даже не повысил голос. Только посмотрел и сказал: «Ещё раз». И мужчина повторил правду.

Селена тогда решила, что это сила.

Теперь понимала: сила без доверия быстро становится цепью.

— Я не играю, — сказала она. — Я не впускаю тех, кто приходит к моему дому с меткой Совета.

— Твой дом стоит на земле Северной стаи.

— На краю земли, которую ваша стая не вспоминала пять лет.

— Значит, было что скрывать? — мягко спросила Веста.

Селена улыбнулась. Не радостно. Осторожно.

— Вам ли говорить о скрытом, Веста?

За дверью стало тихо. Даже ветер будто отступил от стен.

Кайр произнёс:

— Открой дверь. Я задам вопросы внутри. Без Совета.

Ливен Орн тут же вмешался:

— Альфа, порядок требует присутствия свидетелей.

— Порядок требует, чтобы я выяснил, почему мой родовой знак вспыхнул в чужом доме, — отрезал Кайр.

Селена услышала в его голосе раздражение. Настоящее. Не направленное на неё одну. Значит, он сам не был доволен тем, сколько людей стоит у её порога. Хорошо. Это можно использовать. Но использовать Кайра — всё равно что опираться на лёд весной: один неверный шаг, и уйдёшь под воду вместе с детьми.

Она наклонилась к полу, не сводя глаз с двери, и опустила ладонь к крышке лаза.

— Мирон, вниз.

Мальчик покачал головой.

— Веста врёт.

Селена застыла.

— Сейчас не время.

— Она врёт прямо сейчас.

Сава шепнул снизу:

— Про что?

Мирон не ответил брату. Его взгляд был прикован к двери, будто он видел сквозь дерево не лица, а тени чужих намерений.

— Она хочет, чтобы он вошёл и увидел… — Мирон запнулся, напрягся, как от слишком громкого звука. — Не всё. Только что-то одно. Ей надо, чтобы он увидел не так.

— Мирон, в лаз.

— Она знает про девочку.

Селена похолодела.

— Про Ниру?

Нира тихо пискнула внизу. Сава тут же зашептал ей что-то сердитое и утешающее одновременно.

Селена присела перед Мироном, взяла его за плечи.

— Послушай меня. То, что ты слышишь, может быть опасным. Не лезь глубже.

— Я не лезу! — у него задрожали губы, и наконец в голосе прорвался ребёнок, а не маленький сторож у двери. — Она сама громкая. Она всё время думает: «Только не мальчик. Пусть сначала увидит девочку». Почему девочку, мама?

Селена не ответила.

Веста знала не просто о детях.

Она знала что-то о Нире.

И если сейчас девочка окажется перед дверью…

Селена резко повернулась к лазу.

— Сава, уведи Ниру глубже. Сразу.

— А Мирон?

— Мирон со мной.

— Почему ему можно? — возмутился Сава уже из темноты.

— Потому что я так сказала.

Мирон вздрогнул, но не спорил. Селена увидела, как ему страшно, и ненависть к стоящим за дверью поднялась в ней ровной горячей волной. Взрослые играли в законы, роды, права, свидетельства. А её сын стоял босыми пятками на холодном полу и пытался понять, какую ложь несут к их дому.

— Селена, — снова сказал Кайр. — Последний раз. Открой.

Теперь в его голосе было не только требование. Там появилась настороженность. Он услышал детский шёпот. Не мог не услышать. И если Селена продолжит молчать, он примет решение сам.

Она быстро задвинула крышку лаза почти до конца, оставив щель у стены. Так дети смогут дышать и слышать её, но не будут видны с порога. Потом поднялась, поправила рукава, убрала со стола дощечку с написанными именами и положила её лицом вниз.

Мирон стоял у печи.

— За меня, — сказала она.

— Нет.

— Мирон.

— Если я спрячусь, она соврёт, а ты не услышишь.

Селена хотела возразить. Хотела приказать. Но в этот миг за дверью раздался короткий металлический звук: страж переложил руку на рукоять. Не вытянул. Только показал готовность. И Кайр не остановил его сразу.

Времени больше не было.

Селена подошла к двери и сняла верхний засов.

Потом нижний.

Потом задержала ладонь на последнем, самом крепком, который сама врезала в дерево после первой зимы здесь. Тогда Нира только начала ходить, Сава всё время прятал сухари за лавкой, а Мирон плакал по ночам, если за стеной кричала сова. Селена не спала почти вовсе. Ей казалось, что если она закроет глаза, кто-то войдёт и заберёт их.

Теперь кто-то действительно стоял снаружи.

Она открыла.

Холод ворвался в дом первым.

За ним — запах снега, мокрой шерсти на плащах, железа на поясах и власти, которую принесли к её порогу, даже не спросив, есть ли ей место в комнате.

Кайр стоял ближе всех.

Не в чёрном парадном плаще, как вчера в зале, а в дорожном, тёмном, застёгнутом высоко у горла. Снег лежал на его плечах и в волосах, но он будто не замечал холода. Лицо оставалось жёстким, собранным, только глаза выдавали то, что он не позволил бы услышать голосу: усталость, раздражение и напряжение человека, который нашёл вопрос там, где хотел поставить точку.

Слева от него стоял Ливен Орн — худой мужчина с гладко зачёсанными светлыми волосами, в плаще цвета зимнего камня. Его мягкий голос подходил к лицу: осторожному, почти вежливому. Такие люди редко поднимают руку сами. Они просто приносят бумагу, после которой руку поднимают другие.

Позади — двое стражей.

И Веста.

Она стояла чуть дальше, но так, чтобы её было видно. Светлая, спокойная, с меховой накидкой у плеч, с тем самым выражением сочувствия, которое Селена уже ненавидела почти сильнее открытой злости. Веста не смотрела на Селену. Её взгляд скользнул по порогу, по серой ткани, по столу, по углам комнаты.

И задержался на Мироне.

Слишком быстро.

Слишком резко.

Кайр тоже увидел мальчика.

Селена поняла это не по взгляду. По тому, как он перестал дышать.

На одно мгновение альфа Северной стаи исчез. Перед ней стоял мужчина, которому мир вдруг подставил отражение, не спросив готов ли он смотреть. Мирон был не полной копией Кайра. В нём было много от Селены: линия рта, упрямый наклон головы, тёплый оттенок кожи. Но глаза… Глаза выдавали кровь Морранов с жестокостью, на которую не способен ни один свидетель.

Серые. Северные. Слишком прямые.

Кайр смотрел на мальчика, и вся его холодная уверенность дала сбой.

Очень короткий. Почти незаметный для чужих.

Но Селена увидела.

— Кто это? — спросил Ливен Орн.

Не Кайр.

Кайр молчал.

Селена шагнула так, чтобы закрыть Мирона собой.

— Ребёнок, который не обязан отвечать на вопросы Совета.

Ливен поднял брови.

— В доме обнаружен несовершеннолетний незарегистрированный житель. Селена Вейр, вы обязаны назвать его имя, происхождение и основание пребывания на земле Северной стаи.

Мирон тихо сказал за её спиной:

— Он рад.

Селена не обернулась.

— Кто?

— Этот мягкий. Он рад, что я вышел.

Ливен моргнул.

Веста едва заметно напряглась.

Кайр перевёл взгляд с Мирона на Селену. Теперь в его глазах было не просто требование. Там появилось опасное, тяжёлое подозрение.

— Селена, — сказал он медленно. — Назови мальчика.

— Нет.

— Это приказ альфы.

— А я больше не под защитой твоего рода. Ты сам подтвердил это перед Советом.

Лицо Кайра стало каменным.

Хорошо. Пусть вспомнит. Пусть каждое слово, сказанное им вчера, теперь встанет между ними стеной. Он сам строил её публично, красиво, по закону. Теперь Селена будет прятать за этой стеной детей, пока хватит сил.

— Дом стоит в границах моей стаи, — произнёс он.

— Дом стоит на краю вашей совести.

Один из стражей опустил взгляд. Ливен сжал губы. Веста тихо вздохнула, будто Селена сказала что-то крайне неуместное.

— Ты изменилась, — сказал Кайр.

Селена усмехнулась почти беззвучно.

— Нет. Просто ты впервые слушаешь после того, как отдал приказ.

Мирон дотронулся до её юбки.

— Он не злится так, как говорит.

Селена почувствовала, как Кайр услышал. Конечно услышал.

— Что он сказал? — спросил альфа.

— Ничего для тебя.

Кайр сделал шаг к порогу.

Серебряный знак Морранов внутри дома вспыхнул. Внешняя метка Северной стаи ответила тусклым кругом на камне. Между ними прошёл тонкий холодный свет, как нитка, натянутая через открытую дверь.

Сава в лазе тихо охнул.

Кайр замер.

Он услышал и это.

Селена внутренне выругалась без слов. Дом, дети, знаки — всё сегодня работало против тишины.

— В доме есть ещё кто-то, — сказал он.

Ливен тут же поднял руку, будто хотел зафиксировать слова.

— Альфа, при наличии скрытых лиц Совет вправе…

— Совет подождёт, — оборвал Кайр.

Веста шагнула ближе.

— Кайр, закон ясен. Если Селена удерживает здесь детей без родовой записи, это может быть опасно для всей стаи. Мы не знаем, откуда они, чья кровь в них, кто поставил на дом знак Морранов.

Мирон резко вышел из-за Селены.

— Ты знаешь.

Селена не успела удержать его.

Всё произошло слишком быстро: маленькая фигура в слишком большом свитере, босые ступни на полу, тонкое лицо, на котором страх боролся с яростью. Мирон вышел к порогу не как взрослый защитник, не как герой из старой песни. Как ребёнок, который больше не мог терпеть ложь в комнате.

— Мирон! — Селена схватила его за плечо.

Но имя уже прозвучало.

Кайр вздрогнул.

Не сильно. Но достаточно.

Мирон.

Селена увидела, как это имя ударило по нему. Не памятью — нет, откуда бы памяти взяться, если он правда не знал? Скорее пустым местом, которое внезапно получило звук.

Веста побледнела.

И вот это заметил уже не только Мирон.

Кайр повернул к ней голову.

— Что ты знаешь? — спросил он.

Веста медленно моргнула.

— Я? Ничего, кроме того, что видят все. Бывшая жена альфы скрывает ребёнка в доме с родовым знаком Морранов. Это уже достаточно серьёзно.

— Ты знала, что он здесь, — сказал Мирон.

Голос у него дрожал, но он не отступил.

Ливен нахмурился.

— Ребёнок не может выступать свидетелем намерений взрослых.

— Я не выступаю, — буркнул Мирон. — Я слышу, когда врут.

Тишина стала такой резкой, что Селена услышала, как в лазе Нира подавила всхлип.

Кайр медленно перевёл взгляд на мальчика.

— Что ты слышишь?

— Кайр, — мягко вмешалась Веста, — не стоит поощрять детские выдумки. Он напуган, его могли научить говорить всё что угодно.

Мирон побледнел ещё сильнее.

— Вот. Опять.

Селена прижала его к себе, но теперь уже не могла спрятать. Всё, что она боялась показать, вышло на порог и смотрело Кайру в глаза его же серыми глазами.

— Достаточно, — сказала она. — Он ребёнок. Вы пришли с метками, стражей и свидетельницей к дому, где нет ни одного человека, способного угрожать альфе Северной стаи. Если ваш закон требует храбрости именно такого рода, можете поздравить Совет: он сегодня особенно велик.

Ливен холодно посмотрел на неё.

— Сарказм не отменяет обязанности назвать всех присутствующих.

— А ваш тон не создаёт у вас права на моих детей.

Слова вырвались.

Моих детей.

Не «ребёнка». Не «присутствующих». Не «тех, кто в доме».

Моих.

Кайр услышал.

Веста услышала.

Ливен Орн услышал так отчётливо, что глаза его блеснули почти радостно.

Селена поняла ошибку в тот миг, когда уже ничего нельзя было вернуть.

Кайр сделал ещё один шаг.

На этот раз родовой знак не просто вспыхнул. Он вытянулся от порога к Мирону тонкой серебряной линией и остановился у босых ступней мальчика. Мирон испуганно отступил, но линия не коснулась его. Будто ждала разрешения.

Кайр смотрел на неё, и впервые за два дня в его лице не осталось ни холода, ни власти, ни привычного презрения к непорядку.

Там было потрясение.

Голое, страшное, почти яростное потрясение.

— Сколько? — спросил он.

Селена молчала.

— Селена.

Она подняла подбородок.

— Ты не имеешь права спрашивать так, будто тебя обокрали.

Это ударило.

Кайр сжал челюсть.

— Сколько детей в доме?

Мирон ответил раньше неё.

— Трое.

Селена закрыла глаза.

Сава в лазе тихо выдохнул имя брата. Нира всхлипнула совсем близко к крышке. Всё скрытое треснуло не с грохотом, а с детской простотой: трое. Как будто Мирон не выдавал тайну, а говорил, сколько чашек надо поставить к завтраку.

Кайр побледнел.

Снег на его плечах таял, оставляя тёмные пятна на плаще. Он смотрел на Мирона, потом на Селену, потом снова на мальчика. В глазах его шла тяжёлая работа: подсчёт лет, память о браке, дата исчезновения Селены, приказ Совета, родовая книга, пустая клятва, вчерашний разрыв метки. Слишком много правды входило в него сразу, и каждая резала то, что он считал собственной непогрешимостью.

— Трое, — повторил он глухо.

Веста быстро шагнула к нему.

— Кайр, это может быть ловушка. Селена сама сказала — её дети. Она не сказала, что они имеют отношение к тебе. Дом мог откликнуться на старую брачную связь, на след метки, на её попытку удержать память Морранов. Совет должен разобраться прежде, чем ты сделаешь выводы.

Мирон вдруг поднял голову.

— Ты боишься девочку.

Веста застыла.

Нира тихо вскрикнула в лазе.

Кайр услышал. Его взгляд метнулся к полу у задней стены. Селена поняла, что больше не сможет удерживать крышку закрытой. Если Кайр сам подойдёт, если стражи двинутся, дети окажутся загнанными в темноте.

Она сделала выбор прежде, чем страх успел остановить.

— Нира, Сава, выходите.

— Нет! — Сава возмутился снизу.

— Выходите, — повторила она. — Медленно. Рядом со мной.

Кайр резко посмотрел на неё.

— Селена…

— Молчи, — сказала она.

Ливен Орн шумно вдохнул от такой дерзости, но Кайр не ответил.

Он молчал.

В комнате заскрипела крышка лаза. Сначала показалась Сава — растрёпанный, злой, с красными от сдержанного страха глазами. Он вылез и тут же встал рядом с Мироном, плечом к плечу, хотя был ниже на полголовы. Потом выбралась Нира. Она держала деревянную лису так крепко, будто это был не игрушечный зверёк, а последний кусочек дома, который ещё не отняли.

Селена поставила детей за собой, но поздно.

Кайр увидел всех троих.

Мирон — его глаза и Селенин упрямый рот.

Сава — его жест, его линия подбородка, его ярость, только ещё детская, не закованная в власть.

Нира…

На Ните взгляд Кайра остановился дольше всего. Не потому, что она была похожа сильнее. Скорее потому, что она не пыталась выглядеть храброй. Девочка смотрела на него с открытым страхом и обидной, опасной надеждой. Так смотрят дети на того, кто мог оказаться важным, но пришёл слишком поздно и не туда.

— Это он? — прошептала Нира Селене.

Так тихо, что человек не услышал бы.

Но волки услышали все.

Кайр сделал движение, будто хотел шагнуть ближе, но Селена подняла руку.

— Нет.

Он остановился.

И это было хуже, чем если бы он не послушал. Потому что на одно мгновение Селена увидела не альфу, который требует, а мужчину, который впервые не знает, какое право у него осталось.

Веста смотрела на Ниру.

Слишком пристально.

Селена заметила это и сразу повернулась так, чтобы закрыть дочь. Но Нира тоже смотрела на Весту. Лицо девочки вдруг изменилось: страх остался, но к нему прибавилось недоумение. Она прищурилась, будто видела перед собой не женщину, а серые нитки, о которых говорила утром.

— У неё грязный след, — сказала Нира.

Веста побелела.

Ливен Орн резко повернулся к девочке.

— Что?

Нира спряталась за Селенину юбку.

— Ничего.

— Нира, — голос Весты стал мягким, почти нежным. — Какое красивое имя.

Селена почувствовала, как по спине прошёл холод.

Она не называла Ниру.

Мирон называл себя. Он сказал «трое», но имени сестры не произносил. Сава тоже нет. Селена говорила только «дети».

Кайр медленно повернул голову к Весте.

— Откуда ты знаешь её имя?

Веста открыла рот.

И не ответила сразу.

Этой паузы хватило, чтобы в комнате изменилось всё.

Сава вскинулся:

— Она знала!

Ливен Орн поспешно произнёс:

— Возможно, имя прозвучало ранее…

— Нет, — сказал Мирон. — Не прозвучало.

Кайр не смотрел на Ливена. Только на Весту.

— Я спросил, откуда.

Веста опустила ресницы. Когда она подняла взгляд, её лицо снова стало почти спокойным, но Селена уже видела трещину под этой красотой.

— Я могла слышать его в Совете, — сказала она. — После отклика метки появились записи, обрывки. Тарвен говорил…

— Тарвен говорил тебе имя ребёнка, которого, по словам Совета, не существует? — спросила Селена.

Веста посмотрела на неё. На миг мягкость исчезла, и под ней мелькнуло что-то острое, злое, испуганное.

Нира вдруг зажала рукав Селены обеими руками.

— Мама, у неё на мне след.

— Какой след, маленькая?

— Не на мне. От меня. Она его видела раньше.

Селена перестала дышать.

Кайр услышал и это.

Он шагнул к Весте.

— Объясни.

Веста отступила на полшага. Впервые с того момента, как Селена увидела её в зале Совета, Веста потеряла безупречную плавность. Её взгляд метнулся к стражам, к Ливену, к дороге за их спинами. Не к Кайру — от Кайра.

— Дети напуганы, — сказала она. — Они говорят странные вещи. Ты же не станешь строить обвинения на словах девочки, которую Селена прятала неизвестно где?

— Я буду строить вопросы на том, что ты назвала имя, которого я не называл, — произнёс Кайр.

Селена вдруг поняла: он зол.

Не так, как вчера. Не на неё. Не на непорядок, не на сопротивление, не на вызов его власти. В нём поднималось что-то куда опаснее — ярость человека, который почувствовал, что им управляли в его же доме.

Хорошо.

Плохо.

Одинаково страшно.

Ливен Орн вмешался снова:

— Альфа Морран, Совет рекомендует не принимать поспешных решений. До установления происхождения детей они должны быть переданы под временную охрану стаи. Это стандартная мера.

Селена рассмеялась.

Тихо. Одним коротким выдохом.

— Конечно.

Кайр повернулся к ней.

— Селена…

— Стандартная мера, — повторила она. — Сначала стереть. Потом найти. Потом забрать под охрану. Слова меняются, руки те же.

— Никто не заберёт их сейчас, — сказал Кайр.

— Сейчас?

Он понял ошибку.

Селена увидела это по глазам.

— Я не это имел в виду.

— А я уже пять лет живу среди людей, которые всегда имеют в виду не то, что говорят.

Нира тихонько потянула её за рукав.

— Мам, я хочу внутрь.

Селена кивнула.

— Все трое за стол. Сейчас.

— Я не хочу спиной к ним, — сказал Сава.

— Тогда боком.

Он послушался, но сел так, чтобы видеть дверь и Кайра. Мирон остался стоять у лавки. Нира забралась рядом с братьями и положила деревянную лису перед собой, как маленького стража.

Кайр смотрел на детей так, будто пытался запомнить сразу всё: их лица, рост, страхи, манеру держаться, то, как Сава прикрывает сестру локтем, как Мирон слушает больше, чем говорит, как Нира прячет пальцы в рукав. Он не шагал ближе. Не требовал. Не спрашивал у них имена. И от этого Селене было ещё труднее держать ненависть ровной.

Не смей, подумала она. Не смей становиться человеком в тот миг, когда я почти научилась видеть в тебе только опасность.

— В дом войду я один, — сказал Кайр.

Ливен резко повернулся:

— Альфа, это нарушит протокол.

— Протокол уже привёл меня к порогу, где стоят трое детей, о которых мой Совет не сообщил мне ни слова.

— Их происхождение не установлено.

Кайр посмотрел на него.

Ливен замолчал.

Селена услышала, как Мирон тихо втянул воздух.

— Он боится, — прошептал мальчик.

— Ливен? — спросила она.

Мирон кивнул.

— Не тебя. Его.

Кайр услышал и это. Его взгляд ненадолго коснулся Мирона, но теперь уже иначе. Не только потрясённо. Внимательно.

— Ты слышишь намерения, — сказал он.

Селена сразу встала между ними.

— Не говори с ним как с явлением.

— Я говорю как с ребёнком, который только что сказал то, чего не должен был знать.

— Он никому ничего не должен.

Кайр сжал губы.

— Я понял.

Эти два слова прозвучали непривычно. Слишком просто. Без приказа.

Селена не поверила им. Ещё нет.

— Вы не войдёте, — сказала она. — Никто из вас.

— Тогда я останусь у порога, — ответил Кайр.

— Зачем?

— Чтобы Совет не вошёл.

Селена смотрела на него, пытаясь понять, где ловушка.

— Ты сам привёл его сюда.

— Нет. Я пришёл на отклик родовой метки. Совет пришёл быстрее, чем должен был.

Веста тихо сказала:

— Потому что Совет исполняет закон.

Кайр даже не повернулся к ней.

— Закон слишком хорошо знал дорогу.

Селена заметила, как Ливен Орн отвёл глаза.

Вот оно.

Не доказательство. Ещё нет. Но трещина расширялась.

Веста сделала шаг к порогу.

— Кайр, прошу тебя, не позволяй Селене настроить тебя против тех, кто защищал род все эти годы. Ты потрясён, это понятно. Любой был бы потрясён. Но если эти дети действительно связаны с Морранами, тем более нельзя оставлять их здесь, вне круга, вне надзора, вне…

— Договори, — сказал Кайр.

— Вне безопасности, — мягко закончила Веста.

Мирон поднял голову.

— Она хотела сказать «вне клетки».

Сава вскочил.

— Я не пойду в клетку!

Нира испуганно сжала лису.

Селена резко обернулась:

— Сидеть.

Сава сел, но глаза у него стали слишком светлыми.

Серебряная линия у порога снова дрогнула. Граница дома ответила на его страх: тонкая рябь прошла по полу от двери к столу. Селена едва успела шагнуть к сыну и положить ладонь ему на плечо.

— Дыши, Сава. Смотри на меня.

— Они хотят нас забрать.

— Пока я стою, никто вас не заберёт.

— А если ты упадёшь?

Вопрос прозвучал так просто, что у Селены на миг перехватило горло. Она присела перед ним.

— Тогда встану.

Сава смотрел на неё, пытаясь поверить.

— А если не сможешь?

Кайр сделал едва заметное движение. Селена почувствовала его, как чувствуют приближение грозы: он хотел ответить. Сказать что-то вроде «тогда я». Но не имел права. Не сейчас. Не после пяти лет пустоты.

И, кажется, понял это сам.

Он промолчал.

— Тогда Мирон поведёт, — сказала Селена. — Ты закроешь. Нира будет между вами. Как мы учили.

— Я не хочу учить это больше, — прошептала Нира.

Селена повернулась к дочери.

— Я знаю.

В этот миг выражение лица Кайра изменилось снова.

Он услышал не тайну. Быт. Привычку. Детей, которые знали порядок бегства так же хорошо, как другие знали порядок вечерней сказки. И это, кажется, ударило по нему сильнее, чем сам факт их существования.

— Сколько им лет? — спросил он.

Селена не ответила.

Мирон ответил сам:

— Пять. Скоро шесть.

Сава сердито добавил:

— А тебе зачем?

Кайр посмотрел на него.

— Чтобы понять, сколько времени я потерял.

— Ты не терял, — сказал Сава. — Ты не искал.

Селена закрыла глаза.

Кайр побледнел.

Эта детская жестокость была справедливее любого суда. Сава не знал всех обстоятельств, не знал о Совете, о вырванных записях, о возможной лжи. Он знал только главное: отца не было. И никакая политика стаи не могла сделать это легче.

— Сава, — тихо сказала Селена.

— Что? — он повернулся к ней с мокрыми глазами. — Это правда.

— Правда не всегда должна быть брошена как камень.

— А они в нас чем бросают?

Она не нашла ответа сразу.

Кайр нашёл.

— Законом, — сказал он.

Сава посмотрел на него недоверчиво.

— Это хуже камня.

— Да, — после паузы ответил Кайр. — Иногда хуже.

Селена резко взглянула на бывшего мужа. Он не смотрел на неё. Только на сына. На среднего, злого, испуганного, готового драться с целой стаей, потому что другой защиты, кроме ярости, у него не было.

Веста увидела это тоже.

И испугалась.

Теперь Селена была уверена. Веста боялась не просто раскрытия детей. Она боялась, что Кайр увидит в них не угрозу, не ловушку, не нарушение закона, а своих.

— Альфа Морран, — Ливен Орн выпрямился, словно вспомнил, ради чего пришёл. — Я обязан зафиксировать отказ Селены Вейр добровольно передать детей для установления статуса. Также обязан отметить, что один ребёнок проявил нестандартный слух намерений, второй — пограничный отклик, третья…

— Третью не трогать, — сказала Селена.

Ливен посмотрел на Ниру.

— Третья, возможно, обладает родовым зрением. Это особенно важно.

Веста внезапно прошептала:

— Не при ней.

Слишком тихо.

Но Нира услышала. И Мирон. И Селена, потому что смотрела прямо на Весту.

— Почему? — спросила Селена.

Веста будто поняла, что сказала лишнее, и тут же улыбнулась.

— Девочка напугана. Не стоит обсуждать её способности так открыто.

— Как заботливо, — произнесла Селена. — Особенно от женщины, которая пришла к её дому со стражей.

Кайр повернулся к Весте.

— Что значит «не при ней»?

— Ты цепляешься к словам.

— Я спрашиваю.

— А я отвечаю: ребёнок испуган.

Мирон тихо сказал:

— Она думает про знак на плече.

Селена резко обернулась к Нире.

— Какой знак?

Нира спряталась за лису.

— Мам…

Веста шагнула назад.

Кайр заметил.

Селена медленно подошла к дочери, опустилась перед ней.

— Нира, посмотри на меня.

Девочка подняла глаза.

— У тебя есть знак на плече?

Нира кивнула едва заметно.

— Почему ты мне не сказала?

— Я думала, это родинка. Только она иногда светится, когда ты плачешь.

У Селены внутри стало пусто.

Она знала каждую царапину на детских коленках, каждый старый синяк после падения с лавки, каждую привычку, каждый страх. Но знак на плече… Если он проявлялся только в особые мгновения, если Нира сама считала его обычным пятнышком, Селена могла не увидеть. Или видела и не поняла. Или слишком боялась искать там, где могла найти подтверждение крови Морранов.

— Покажи, — мягко сказала она.

Нира замотала головой.

— При них нет.

— Правильно, — сказал Сава. — Нечего им смотреть.

Кайр неожиданно произнёс:

— Никто не будет смотреть.

Ливен возмутился:

— Альфа, если у девочки родовой знак, он должен быть зафиксирован.

— Я сказал, никто не будет смотреть.

В голосе Кайра впервые за всё время прозвучала такая власть, что даже дом будто стал тише.

Селена ненавидела себя за то, что на мгновение ей стало легче.

Нельзя.

Нельзя принимать от него защиту как доказательство. Один правильный приказ не отменял вчерашнего зала. Не отменял пяти лет. Не отменял того, что он пришёл сюда с Вестой.

Но дети услышали другое.

Нира чуть выглянула из-за лисы и посмотрела на Кайра уже не только со страхом.

Веста тоже это увидела.

И тогда её осторожность сломалась.

— Кайр, ты не понимаешь, — сказала она резко, забыв мягкость. — Если это та девочка, о которой говорил Тарвен, её нельзя оставлять здесь. Нельзя было с самого начала.

Селена медленно выпрямилась.

Кайр повернулся к Весте всем корпусом.

— Та девочка?

Веста замолчала.

Поздно.

Слова уже стояли между ними.

— Какая девочка, Веста? — спросил Кайр.

Веста побледнела так, что губы стали почти бесцветными.

— Я не так выразилась.

— Ты выразилась впервые честно.

Ливен Орн сделал шаг назад, к стражам. Не сильно. Просто на ширину стопы. Но Селена заметила. Он уже понимал, что сцена выходит из-под контроля Совета.

Нира вдруг слезла с лавки.

— Мама, у неё серый след стал чёрным.

— Нира, стой.

Но девочка смотрела не на Весту. Она смотрела куда-то чуть ниже её горла, будто видела там то, чего остальные не могли.

— Она была рядом, когда меня вычёркивали.

В комнате стало мёртво тихо.

Селена почувствовала, как пол под ногами будто качнулся. Мирон шагнул к сестре. Сава сжал кулаки. Кайр не двигался.

Веста прошептала:

— Это невозможно.

Нира нахмурилась.

— Нет. Я не говорю, что помню. Я вижу. У тебя нитка от большой книги. Она старая. И она цепляется за меня.

Селена медленно повернулась к Весте.

— Ты была в архиве.

— Многие бывают в архиве.

— Когда вырывали записи о моих детях?

— Осторожнее, Селена, — вмешался Ливен. — Такие обвинения требуют доказательств.

Кайр не смотрел на Ливена.

— Отвечай, Веста.

Та подняла подбородок. К ней начала возвращаться собранность, но теперь это было не мягкое превосходство, а холодная защита загнанного человека.

— Я ничего не обязана объяснять бывшей жене, которая скрыла от тебя троих детей.

Селена шагнула вперёд, но Кайр поднял руку.

Не ей. Весте.

— Мне объясни.

Веста посмотрела на него, и в её глазах мелькнула почти настоящая обида.

— Тебе? Ты уже готов верить ей? Женщине, которая пять лет жила у тебя под боком с тремя детьми и молчала?

— Она жила не у меня под боком, — сказал Кайр глухо. — Её выгнали.

— Она ушла.

— После чьего приказа?

Веста молчала.

Селена смотрела на Кайра, не позволяя себе ни облегчения, ни надежды. Он задавал правильные вопросы. Наконец-то. Но правильные вопросы, заданные спустя пять лет, всё равно приходили поздно.

Нира вдруг тихо сказала:

— Она знает мой знак.

Веста повернулась к девочке.

И в этот миг Селена увидела.

Увидела не глазами Ниры, не магическими нитями, а самым обычным человеческим зрением: Веста посмотрела на левое плечо девочки. Не на лицо, не на руки, не на лису. Туда, где под платьем скрывался неизвестный Селене знак.

Кайр тоже увидел направление взгляда.

— Откуда? — спросил он.

Веста отступила ещё на шаг.

— Кайр…

— Откуда ты знаешь, где у неё знак?

Сава вскочил со скамьи и заслонил Ниру собой.

— Не смотри на неё!

Мирон вдруг побледнел почти до синевы.

— Она сейчас скажет, что Нира опасная.

Веста дрогнула.

Кайр шагнул к ней.

— Веста.

Она сжала руки у груди, и вся её мягкая красота на миг стала острой, чужой.

— Ты не понимаешь, что делаешь, — сказала она. — Эта девочка не просто ребёнок.

Селена ощутила, как внутри поднимается холодная, ясная ярость.

— Она моя дочь.

— Она должна была…

Веста оборвала себя.

Но слово уже рвалось наружу. Оно висело у неё на губах, в глазах, в испуге, который она больше не могла спрятать.

Кайр произнёс очень тихо:

— Договаривай.

Веста посмотрела на Ниру.

И прошептала так тихо, что обычный человек не услышал бы, но в комнате были волки, дети альфьей крови и мать, которая за пять лет научилась слышать опасность раньше слов:

— Эта девочка должна была исчезнуть.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.